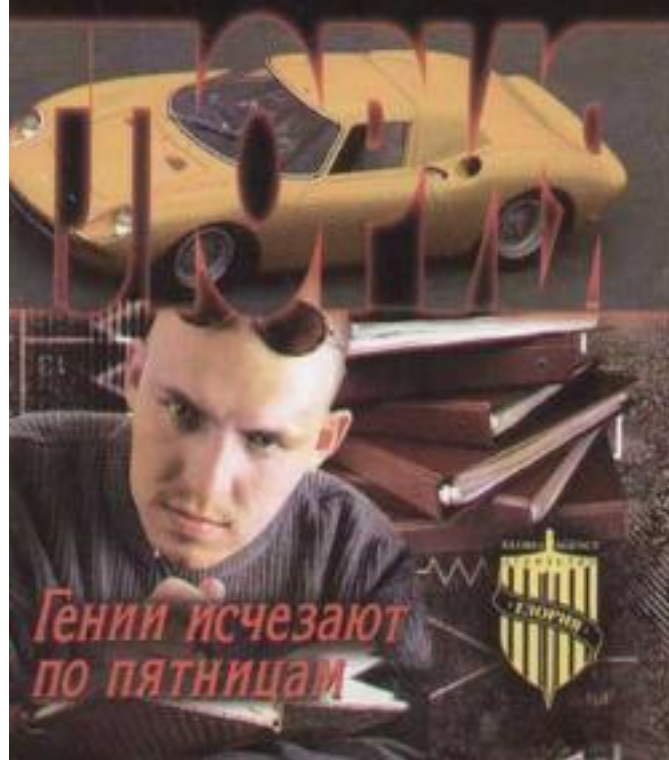

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Гении исчезают
по пятницам

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский

Гении исчезают по пятницам

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Гении исчезают по пятницам / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Агентство «Глория»)

В России убивают ученых. Жертв уже более десятка. Следствие теряется в догадках, результатов нет. Это повод для независимых журналистских расследований. Репортер радио «Свобода» Константин Эренбург готовит сенсационный материал. Он знает, кто стоит за убийствами. Но сам Эренбург стал жертвой уличного нападения. Его жизнь висит на волоске, а собранные документы бесследно исчезли...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Денис Грязнов	5
Ирина Сибирякова	8
Николай Щербак	11
Ирина Сибирякова	14
Николай Щербак	16
Сева Голованов	18
Денис Грязнов	19
Сева Голованов	24
Николай Щербак	26
Денис Грязнов	27
Николай Щербак	31
Ирина Сибирякова	33
Сыщики	36
Николай Щербак	38
Сыщики	40
Анатолий Старостяк	43
Сыщики	46
Филя Агеев	49
Денис Грязнов	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фридрих Незнанский

Гении исчезают по пятницам

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Денис Грязнов

День выдался довольно жаркий, и Денис Грязнов первую его половину с удовольствием провел в родном кабинете под кондиционером, попивая каркаде со льдом и не совершая лишних телодвижений. Синоптики третий день обещали дождь с грозой, но грозы бродили где-то за пределами Москвы, не принося прохлады, и только влажность доросла почти до ста процентов, превращая воздух на улице в банный пар, а от низкого давления все время клонило в сон.

Он лениво раскладывал пасьянс и думал, что на дворе суббота и, если прямо сейчас подсуетиться, можно, пожалуй, успеть купить червей, или мотыля, или еще чего-нибудь вкусненького и закатиться на ночную рыбалку куда-нибудь на Клязьму или Истринское водохранилище. Ночью на воде наверняка прохладно. Взять лодочку, заплыть подальше и под звездами посидеть часок-другой... Но одолевала такая истома... Он только представил себе, что надо сейчас выходить на улицу, ехать в рыболовный магазин, потом домой – собирать снасти, потом строить дядюшку, а дядюшка возьмет коньяку... Короче, рыбачить перехотелось.

Тогда, может, просто выбраться за город, например к Демидычу в Заветы Ильича, что по Ярославской дороге, полежать под яблонями, почитать хорошую книжку, попить домашнего кваску, похлебать окрошки и завалиться спать на сеновале...

Телефонный звонок прервал неторопливое течение мысли.

– Меня зовут Барбара Леви, – представилась дама на том конце провода. – Я хочу воспользоваться услугами вашего агентства.

Интонации обозначали в телефонной собеседнице особу властную, привыкшую отдавать распоряжения. Говорила она с едва уловимым акцентом – легкой картавинкой. Француженка, что ли, лениво подумал Денис, или, скорее, немка. Хотя имя вроде не немецкое...

Он сделал над собой усилие и прибавил энергии в голос:

– Назначьте удобное для вас время. Наш офис находится...

– Меня это не устраивает, – оборвала Барбара Леви. – Я сейчас в ресторане «Альфа-клуб», надеюсь, кто-то сможет подъехать сюда в течение получаса. Кто-нибудь из вашего руководства, разумеется.

– Я и есть руководство, – огрызнулся Денис, но она уже отключилась.

Вот уехал бы за червями, с досадой подумал он, и не пришлось бы тащиться в «Альфа-клуб» – накрылся воскресный отдых на природе. Как пить дать накрылся!

Было время ленча, и в зале «Альфа-клуба» упакованные в костюмы и затянутые галстуками бизнесмены и бизнесвумены бодро жевали салаты, сэндвичи и креветочные коктейли, запивая все это минералкой и кофе и походя решая бизнес-проблемы. Денису по такому случаю тоже пришлось облачиться в костюм, хотя с каким удовольствием он остался бы в шортах, футболке и сандалиях. Господи, почему за сотни лет никто не додумался упразднить этот пресловутый деловой стиль в одежде? Или хотя бы запретить ношение костюмов в летний период? Или изобрели бы уже ткани со встроенными кондиционерами, доступные простому человеку. Куда вообще смотрят эти кутюрье и дизайнеры?

Он справился у надутого метрдотеля, где ему найти Барбару Леви, и метрдотель подвел его к столику, где в одиночестве восседала эффектная брюнетка неопределенного (от двадцати пяти до сорока пяти) возраста. Она пила кофе, вяло ковыряла ягодный десерт и читала «Файнэншл таймс». Денис представился, не дожидаясь особого приглашения, уселся напротив, а вышколенный официант в ту же секунду принес еще одну чашку и полный кофейник.

– Это с вами я разговаривала по телефону? – удивленно подняв бровь, поинтересовалась госпожа Леви.

– Так точно, – покаялся Денис. – Весь штат секретарей и референтов на курсах повышения квалификации.

Она не поняла шутку или, во всяком случае, ее не оценила. Она отложила газету, отодвинула креманку с ягодами и протянула Денису свою визитку:

– Я руковожу корпунктом радио «Свобода» в Москве.

Денис в свою очередь подал ей свою. С минуту они изучали карточки, потом еще с минуту – друг друга. Госпожа Леви не церемонилась, разглядывая Дениса, поэтому и он не стал особо церемониться. Ей было не двадцать пять, а скорее тридцать шесть – тридцать семь, волевые складки у крыльев носа говорили, что госпожа Леви скептик, прагматик и, очевидно, успешный менеджер, а взгляд выдавал ее абсолютную уверенность в себе и легкое презрение к окружающим. Что еще? Короткая функциональная стрижка, минимум косметики, полное отсутствие украшений – нет даже обручального кольца. Впрочем, скорее всего, всякие там семейные ценности для нее на сто двадцатом месте, а главное в жизни – карьера, и только карьера. Фигура, насколько можно о ней судить по сидячему положению, отличная, руки красивые, спокойные, ничего не трещит, не поглаживают, улыбка скупая, зубы острые... короче, этакая акула современного империализма, вернее, не акула, масштаб не тот, но пиранья – точно.

Наконец она удовлетворилась, а может, смирилась (прочсть по лицу Дениса вообще ничего было невозможно), но, так или иначе, перешла к делу:

– Два дня назад мой сотрудник, журналист Константин Эренбург, при невыясненных обстоятельствах получил тяжелую черепно-мозговую травму. В данный момент он находится в больнице в состоянии комы, а милиция отказывается возбуждать дело о покушении на его жизнь, ссылаясь на отсутствие явных подтверждений покушения. Я хочу, чтобы ваши специалисты выяснили все подробности произошедшего.

– Понятно. – Денис отпил слишком горячего кофе и еще раз пожалел, что он не в футболке и шортах. Госпожа Леви в легком, нежно-желтом брючном костюме, видимо, чувствовала себя просто чудесно, а ему то и дело приходилось стирать капельки пота со лба и верхней губы.

– Перед покушением Эренбург работал над большим репортажем о череде убийств российских ученых.

– Вы предполагаете, что причина...

– Я не предполагаю, – отрезала Барбара Леви. – Я желаю точно знать.

– Хорошо, – кивнул Денис. – Это все?

– Нет. У Эренбурга, по его словам, материал был практически готов, тем не менее моим сотрудникам не удалось обнаружить его ни в корпункте, ни дома у Константина. Бумаги могли быть при нем, когда наряд милиции доставил его в больницу. Но милиционеры и врачи это отрицают. Портфель Константина с документами пропал или украден. Еще вопросы?

– Да. Мне не помешало бы немного информации об Эренбурге – человеке и журналисте. Мои сотрудники, конечно, могут и сами собрать на него досье, но это потребует времени. А время – деньги.

Просьба была резонной, и она согласилась:

– Мой секретарь предоставит вам информацию.

– Отлично, тогда последняя формальность. – Денис достал из портфеля бумаги: – Подпишите стандартный договор, и еще необходимо внести аванс...

Она смерила его еще одним оценивающим взглядом и выписала чек на триста евро. После чего подмахнула договор и гордо удалилась.

Ну и баба, хмыкнул про себя Денис, вертя в пальцах чек на смешную сумму. Одно из двух: либо дело яйца выеденного не стоит, либо госпожа Леви патологическая скряга и потребует отчета за каждый использованный литр бензина и каждый потребленный киловатт-час электроэнергии.

Интересно, все-таки она немка или француженка?

Ирина Сибирякова

Резкий, протяжный гудок раздался под окном. Ирина от неожиданности вздрогнула. Пора ехать. Она взяла увесистый чемодан и спустилась по лестнице. Белая машина с красным крестом уже ждала ее: фельдшер Лидия Федоровна и водитель Миша.

– Кажется, дождь собирается, да, Ирина Николаевна? – пробурчал недовольно заспанный Миша. – В такую погоду можно до обеда проспять, а нам ни свет ни заря уже ехать надо...

– «Ни свет ни заря»... ишь ты, – фыркнула Лидия Федоровна, – да уже почти девять утра.

Ирина молча села в машину, и «скорая» покатила по сумрачным московским улицам. Тучи висели над самыми крышами домов, где-то вдалеке громыхало, но жара не спадала, а кажется, только усиливалась.

Лидия Федоровна по рации переговаривалась с диспетчерской.

Мальчик, 12 лет, температура 38,5.

Что это может быть, тут же начала про себя перебирать варианты Ирина: летний грипп, пневмония, ангина или банальная ОРВИ? Промок, переел мороженого, перекупался в реке и на тебе, пожалуйста, получай респираторку.

Ирина пришла на «Скорую помощь» сразу после интернатуры. В институте она мечтала стать кардиологом, но начинать трудовую деятельность вот пришлось на «скорой» в «линейной» бригаде. Она сильно поначалу переживала, но главврач пообещал, что со временем переведет в кардиологическую бригаду, где она сможет лечить кардиологических больных. Ну а пока ей какие только пациенты не доставались!

Ирина все еще переживала, отправляясь на каждый вызов. Ведь это был только третий ее рабочий день. А вдруг возникнет ситуация, с которой она не справится, вдруг она не сможет помочь человеку. Ведь она врач. На нее больные смотрят с надеждой. Вот придет, послушает, постукает, горлышко посмотрит, укол сделает – и все будет хорошо. Как можно не оправдать их ожиданий?

Лидия Федоровна похлопала Ирину по плечу, как будто мысли ее прочитала. Мол, не переживай, все будет хорошо, справимся.

Лидия Федоровна была обычным фельдшером. После медучилища сама попросилась на «скорую» и с тех пор вот уже более тридцати лет здесь работает. Конечно, с таким стажем работы она была намного опытней молодых врачей, но никогда не нарушала субординацию. За это ее любили и уважали.

«Скорая» остановилась возле серого дома. Высокая, сутулая женщина уже ждала их возле подъезда. Поздоровавшись, Ирина и Лидия Федоровна поднялись в квартиру. На диване – худой мальчишка, глаза закрыты, волосы слиплись от пота. Ирина быстро и профессионально расспросила его, где болит. Затем достала фонендоскоп и начала слушать. Да, дыхание в легких жестковатое, зев гиперемирован, миндалины увеличены, в лакунах гнойный выпот. Никаких сомнений: двусторонняя лакунарная ангина. Нужно колоть пенициллин, так что придется везти в больницу.

Дождь так и не начался, а «скорая» уже ехала на другой вызов.

Работы было много: гипертонический криз у пожилой женщины, отравление грибами целой семьи, травма ноги – мужчина неудачно покатался на картингах, коклюш у грудного ребенка. И всем нужна «скорая помощь».

Только когда на город надвинулись сумерки и на землю упали наконец первые тяжелые, горячие капли, бригада номер восемь, в которой работала Ирина, смогла отдохнуть. Противно гудела под потолком лампа дневного света, освещающая небольшую, но уютную комнату, предназначенную для отдыха медперсонала. Возле окна – стол, застеленный клетчатой скатертью, на столе – пол-литровая банка с привядшими пестрыми хризантемами. Возле стола – два

стула. Ирина разгадывала японский кроссворд, получалась забавная картинка: то ли корова, то ли дракон... Вдоль стен друг против друга – две кровати, застланные покрывалами со штампами Минздрава. Чуть дальше, почти у самой двери, – старенький, полированный, двухдверный шкаф, на дверце – медицинский халат необъятного размера, больше похожий на белый парашют. Обладательница столь пикантной вещицы мирно похрапывала. Ей явно было тесно на узенькой односпалке, но годы тренировок сделали свое дело: такое неудобство не мешало заслуженному отдыху Лидии Федоровны.

Ирина рядом с Лидией Федоровной казалась просто девчонкой. Она была невысокого роста, худенькая, с короткими светлыми кудряшками, которые никак не хотели ложиться во взрослую прическу и придавали Ирине Николаевне несерьезный подростковый вид. Не добавляли молодому врачу взрослости и белые босоножки на тринадцатисантиметровом каблуке. Несмотря на все старания казаться взрослее, Ирина оставалась такой, как она есть: неопытным, двадцатипятилетним, молодым врачом, едва закончившим интернатуру. Раздался звонок, Лидия Федоровна прекратила храпеть.

И снова «скорая» понеслась по улицам с протяжным воем сирены.

– К кому несемся на этот раз, кого спасать будем? – бодро поинтересовался Миша.

Видно, за эти полтора часа и он успел отдохнуть.

– Некий Кропоткин, шестьдесят два года, острый коронарный синдром под вопросом...

Двор четырехэтажного дома, к которому подъехала «скорая помощь», был заставлен дорогими иномарками, так что «газель» с красным крестом еле проехала через эту выставку достижений зарубежного машиностроения.

– Понаставили машин, – пробурчал Миша, – «скорая» подъехать не может.

– Вот люди живут!.. – не удержалась от комментария и Лидия Федоровна. – И квартиры тут шикарные, сталинские, комнаты большие, потолки высокие...

– Действительно, – механически кивнула Ирина. Ей опять стало не по себе: наконец-то пациент, возможно, соответствующего профиля, наконец-то она сможет доказать, что достойна работы в кардиологической бригаде. Или не сможет?.. А вдруг сложный случай, которого не проходили на лекциях и не встречали на практике?.. – Машины и правда дорогие, только вон тот бежевый «форд» старенький и обшарпанный, а все остальные просто красавцы.

– О, Ирина Николаевна, – удивился Миша, – вы и в машинах разбираетесь?

– Да нет, просто у моего отца такой же, только красный, вот и все. – «Скорая» остановилась возле подъезда. – Даже номер похож, только у нас последняя пятерка, а здесь девятка.

Ирина взяла чемоданчик и в сопровождении Лидии Федоровны быстро вошла в подъезд.

Дверь открыла пожилая женщина:

– Проходите, пожалуйста, скорее, профессор там, в кабинете...

На диване лежал пожилой мужчина, высокий, худой, из-под клетчатого пледа нелепо торчали ступни в мягких домашних туфлях. Он был без сознания. Кожа бледная, лоб в холодном поту.

– Вы жена больного?

– Нет, я домработница. Я у Николая Николаевича почти двадцать лет... Такой замечательный человек. Пожалуйста, вы только помогите ему. – Женщина всхлипнула и спрятала лицо в носовом платке.

– Вы знаете, что произошло, он принимал какие-нибудь лекарства?

– Нет, что вы, он и не болел-то никогда. Желудком разве что, я ему все супики варила рисовые, каши протирала... А сегодня вот пришел с работы и в первый раз в жизни, понимаете, пожаловался, что сердце колет. Хотела дать ему валидол – отказался. Сказал, что полегит – и все пройдет. Пока я на кухне возилась, слышу, тихо как-то в кабинете, подошла, а он... – Женщина не сдержалась и заплакала. – Доктор, умоляю, спасите его...

Ирина прислонила фонендоскоп к груди больного, сердце билось с бешеной скоростью.

Лидия Федоровна подсоединила провода к переносному кардиографу, поставила на худую грудь присоски. Аппарат запищал и стал выписывать синусоиду – трепетание желудочков, больной умирал. Нужен прикардиальный удар! Ирина, собрав все силы, ударила мужчину по груди – кардиограмма не изменилась. Еще удар. И снова без изменений.

– Лидия Федоровна, дефибриллятор на двести!

«Утюги» легли на грудь умирающего. Разряд!.. Еще... Еще...

В комнате запахло горелым волосом, но изменений не было. Отбросив электроды, Ирина положила руки на грудину: раз, два, три, четыре, пять, вдох! Изменений нет. Раз, два, три, четыре, пять, вдох! Ничего.

– Лидия Федоровна, внутрисердечную иглу с кордароном.

Ирина быстро нашла на худой груди нужное, четвертое межреберье, игла вошла в грудь... Кардиограф выдал «нормальный» комплекс с шапкой – инфаркт.

Нужно продолжать массаж сердца с искусственной вентиляцией легких до тех пор, пока больной не станет дышать самостоятельно. Еще один инфарктный комплекс на фоне синусоиды, как вдруг кардиограф просто сошел с ума: перо задергалось, выводя асинхронные, вихревые волны. Трепетание перешло в мерцание желудочков.

– Лидия Федоровна, разряд триста! Еще! Еще!

Снова толчки и вдох.

– Лидокаин пятнадцать кубиков внутривенно... Разряд, еще, еще!

Но все было напрасно. Из-за расширенных зрачков глаза мужчины стали черными. Перо кардиографа замерло, рисуя прямую.

– Кордарон внутрисердечно, разряд четыреста!

Раз, два, три, четыре, пять, вдох! Ирина не хотела сдаваться. Кардиограф нарисовал широкий комплекс – сердце умирало. Разряд! Снова толчки и снова прямая, лишь чуть-чуть прыгнуло перо.

– Ирина Николаевна, зрачки расширились, пульса нет, давление – ноль, продолжаем реанимацию?

– Да, разряд четыреста пятьдесят...

– Ирина Николаевна, мы сделали что могли, прошло уже больше сорока минут, дальнейшая реанимация бесполезна.

Вот и все. Время смерти 21.34.

В машине Лидия Федоровна успокаивала Ирину:

– Ириночка Николаевна, вы сделали все правильно, не терзайте себя. Вы не виноваты в его смерти.

– Лидия Федоровна... – Ирина с трудом проглотила комок в горле. – Если бы на моем месте был опытный врач из кардиологической бригады... наверное, пациент остался бы жив. Нужно было...

– Ирочка!.. – Лидия Федоровна дружески потрепала ее по плечу. – Не казните себя. Вы отлично работали, это я вам говорю. Всех спасти нельзя, поверьте. Мы всемогущи...

Ирина, сдерживая слезы, кивнула, она боялась разреветься прямо здесь, в машине, перед Мишей и Лидией Федоровной.

Всю обратную дорогу она молчала, только перед глазами ползла прямая черта на ленте кардиографа. Ирина вспоминала шаг за шагом все этапы реанимации. Что я сделала не так? Что?!

Николай Щербак

Настроение у Николая было преотвратное. Вчера «Спартак» так бездарно проиграл «Локомотиву»! Смотрели вместе с Севкой Головановым, после этого нажрались с тоски. «Спартак», конечно, уже не тот, за который начинали болеть в золотом детстве, а все равно обидно.

Наутро голова гудела как чугунная. И вот, вместо того чтобы полежать спокойно на диванчике, поправить здоровье, нужно шагать «окучивать» журналистов.

А они, несчастные, вроде совсем даже не страдают, что приходится впахивать в воскресенье. Бегают по коридорам живенькие такие, жизнерадостные, хлопчут чего-то, суетятся. Может, им за работу в выходные приплачивают? Или они по натуре все поголовно трудоголики и мазохисты? Так или иначе, а в корпункте радио «Свобода» народу было полно. Все двери нараспашку, и за каждой – клавиатуры щелкают, мониторы светятся, телефоны звякают, факсы трещат, народ галдит – процесс полным ходом.

Николая встретила секретарша Барбары Леви, симпатичная Лидия, которую Николай про себя сразу же окрестил Лидочкой. Была она низенькой, пухленькой, с ямочками на щеках и маленьким вздернутым носиком – точно не иностранка и, в отличие от госпожи Леви, без всяких фанаберий.

– Барбара распорядилась рассказать вам, как все было, – затараторила она, мило улыбаясь. Вряд ли происшествие с Эренбургом доставило ей удовольствие, просто по жизни Лидочка была девушкой веселой и даже, наверное, легкомысленной. – Так вот, Костю с пробитой головой нашел наряд милиции где-то возле Курского вокзала. Было это примерно часов в десять вечера, может, в половине одиннадцатого. Они вызвали «скорую» и отвезли его в Седьмую городскую клиническую больницу. Он был без сознания. И до сих пор не приходил в себя, а сегодня туда звонила, сказали, что он все еще в реанимации, что состояние у него тяжелое, но стабильное, что, когда он придет в сознание, неизвестно. Но обещают, что все будет хорошо. Вот тут я для вас подготовила... – Она протянула Николаю большой конверт.

В конверте лежала фотография Эренбурга, его визитка с номерами рабочего и домашнего телефонов и несколько листов компьютерных распечаток, – очевидно, статьи Эренбурга или об Эренбурге. Судя по фотографии, журналисту было лет сорок, не красавец: толстый, длинные, до плеч, жидкие волосики, все лицо в мелких шрамах то ли от оспы, то ли от юношеских угрей, близко посаженные глаза, тонкие губы, широкий рот и слишком мясистый нос. Неудивительно, что он работает на радио. На телевидение его, будь он хоть трижды гениальным репортером, не взяли бы ни за что.

– Костя по паспорту немец, – добавила Лидочка. – Но вообще-то он русский, его родители эмигрировали в Германию, когда Костя был маленьким. На «Свободе» он с восемьдесят пятого, а в Москве – в этом году будет десять лет. Журналист Костя просто ужасно талантливый, у него нюх какой-то на сенсации, его репортажи, – она понизила голос до шепота, – имеют та-а-акой рейтинг! Его на Би-би-си звали и на Си-эн-эн – редактором новостей, он не пошел...

– Понятно, – кивнул Николай, – он талантлив, но не тщеславен, а в остальном? характер?.. Мог он, например, повздорить с незнакомым человеком прямо на улице – так, чтобы до драки?

– Да ради бога! И с незнакомым, и со знакомым. – Когда выпьет, с ним вообще лучше не заводитьсь.

– То есть он пьет.

– Ну не так чтобы пьяница-алкоголик, но выпивает, говорит, что это лекарство от бессонницы и от творческих кризисов.

– Хорошо, а вот тридцать первого июля не знаете чем он занимался, с кем встречался, во сколько ушел с работы, с кем ушел, куда?..

– Ну... – Лидочка смешно наморщила носик, вспоминая. – Днем его не было. Утром тоже не было... Точно, он забежал около шести вечера.

– Значит, он на работе с восьми до пяти не сидит?

– Какой там! Он вообще иногда неделями не появляется, а его пассии целыми днями обрывают телефон. Сколько раз ему говорили: не давай рабочий телефон кому попало, а он продолжает. Говорит, что, когда он работает, его нельзя отрывать, поэтому номер мобильного держит в секрете.

– Он пользуется бешеной популярностью у женщин? – недоверчиво поинтересовался Николай, еще раз взглянув на фотографию.

– Женщины любят ушами. – Лидочка вдруг погрустнела. Очевидно, и она когда-то таяла от чар Эренбурга, отметил про себя Николай. Во всяком случае, говорила она с явным знанием дела. Но что самое интересное, без какой-либо обиды или осуждения.

– И что, дамы из-за него не дрались? Ему самому глаза не выцарапывали?

– Не-а, – снова улыбнулась секретарша, – я же говорю, он профессионал.

– Ладно, – удовлетворился Николай, – значит, он забежал часов в шесть и?..

– Взял какие-то бумаги, сказал, что через пару дней закончит и материал будет просто бомба, спросил, кто ему звонил, и испарился.

– А кто ему звонил?

– Сейчас, у меня, кажется, сохранился тот листок... – Лидочка порылась в ящике стола и протянула Николаю список:

«Наташа – передать, что звонила

Александра – созвониться и перенести встречу на воскресенье

Ирина —

Кира – как договорились

Анна Львовна – перезвонить!

Тамара —

Лера —

Ирина – перезвонит завтра в 9 утра

Альбина – сегодня ничего не получится

Ирина – перезвонит завтра, но в 10».

Рядом с Анной Львовной и Альбиной стояли жирные черные точки.

– Это что означает? – поинтересовался Николай.

– Это Костя. У него привычка такая, помечать важное. Короче, остальных он просто проигнорировал или отложил на потом, а Анне Львовне и Альбине, наверное, собирался перезвонить.

– И кто они такие, вы не знаете?

– Анну Львовну знаю, это его дальняя родственница, троюродная тетка, кажется, Костя живет в ее квартире на проспекте Мира. У Анны Львовны дом под Москвой, и она почти все время проводит за городом. А кто такая Альбина – не в курсе. Может, она ему по делу звонила, а может – очередная интеллектуалка, которая не клюнула с первого раза на его ухаживания. Он таких выделял в отдельную группу. Остальные ему надоедали после первой же встречи, а с этими иногда даже по полгода встречался. Говорил, умная женщина – раритет, на нее никаких усилий не жалко.

– Я возьму список? – попросил Николай.

– Да ради бога, мне он без надобности.

– Лидочка, вы ведь Константина хорошо знали, были у него какие-нибудь привычки? Например, он каждый вечер покупал газету в одном и том же киоске или цветы у одной и той же бабушки, или ужинал в одном и том же кафе, или ходил в шахматы играть к соседу?..

– Костя? В шахматы? – прыснула секретарша.

– Ну не в шахматы, в карты – неважно. Я должен откуда-то начать – выяснить, что он делал в тот вечер, с кем встречался, почему оказался с пробитой головой около Курского вокзала.

– Ну... кажется, он любил пропустить стаканчик в баре, где-то совсем рядом с домом, он что-то такое говорил, кажется, а еще зимой он по вечерам гуляет с такой Анны Львовны, но сейчас такса вместе с хозяйкой за городом, а еще у него бессонница...

– А деньги он носил с собой? Крупные суммы? Или пользовался пластиковыми карточками?

Лидочка задумалась:

– Я точно не знаю, но, думаю, несколько сотен долларов у него с собой могло быть – ему же приходилось платить за информацию.

– Хорошо, опишите мне, пожалуйста, во что он был одет в тот вечер?

– Одет? А, ну да... В бледно-зеленые джинсы «Кельвин Кляйн», такого же цвета кроссовки «Рибок», чуть более темную зеленую футболку, тоже «Кельвин Кляйн», совсем светлый, но опять зеленоватый пиджак, спортивного такого покроя... «Бенетон», кажется. Потом портфель у него был...

– Да-да, о портфеле особенно подробно.

– Портфель... – Лидочка уставилась в потолок, вспоминая. – Да. Кожаный, вместительный: несколько папок влезает и еще место останется. Черного цвета, потертый немножко – Костя с ним второй год таскается. С двумя ручками: обычной и длинной. Две застёжки, серебристые такие, металлические. Между застёжками выдавленное клеймо «Anchelotti Ltd.» и что-то еще под этим совсем малюсенькими буквочками.

– А что было в портфеле?

– Ну не знаю... Наверняка камера «Никон», Костя ее всегда с собой таскал, хотя радиожурналисту она ни к чему. Потом электронная записная книжка, я видела несколько раз, как он доставал ее из портфеля. Блокноты, ручки, визитки, не знаю... может, шоколадки какие-нибудь – он любил всякие батончики грызть, фляжка с коньяком...

– А деньги, ключи, документы, мобильник, пейджер?..

– Бумажник он носил в кармане, документы тоже, а ключи – вроде бы на цепочке: такая длинная, с карабином, к шлевке на брюках пристегивается, и – в карман, но ключи пропали тоже, мы потом стол и сейф в его кабинете запасными открывали, когда искали материалы по ученым... Телефон тоже на ремне висел, на брючном, а пейджером Костя не пользовался.

– Автомобиль у него имеется?

– Не знаю, нет, наверное. Обычно он ездит на такси.

– Скажите, а напарник у Эренбурга есть... или помощник? Кто-то же ему помогает?..

– Да, в том-то и дело, что нет. Волк-одиночка. Ну иногда, конечно, попросит помощи по мелочам, но такой скрытный – никогда никому не показывал неоконченных репортажей и никогда не отчитывается, куда идет и с кем разговаривать собирается. Он, понимаете, такой опытный и такой профессионал, что никто и не возражал, даже начальство.

– А может, ему кто-то угрожал или он обмолвился, что спровоцировал скандал какой-нибудь?

– Нет, он никогда об этом не говорил. Он вообще о таких вещах не говорил. Поэтому если даже и угрожали, то теперь этого не узнать, пока он в себя не придет.

– Ну спасибо вам, Лидочка, – поблагодарил Николай. – На первый раз, я думаю, достаточно. Но я еще загляну.

– Буду ждать... – смущенно улыбнулась секретарша.

Ирина Сибирякова

Ирина не могла отделаться от мысли, что Кропоткин умер из-за ее неопытности. Когда-то один преподаватель в институте еще на первом курсе сказал почти то же самое, что Лидия Федоровна: мы не можем помочь всем. Смерть пациента – это, к сожалению, нормальное явление. И если совесть твоя чиста, если ты сделал все, что мог, то нужно забыть и продолжать работать. Но врачи тоже люди, и поэтому первый труп запоминают, как правило, на всю жизнь.

Как звали преподавателя, сказавшего это, Ирина уже не помнила. А вот Николая Николаевича Кропоткина она действительно запомнит на всю жизнь.

Домработница назвала его профессором. Интересно, может быть, он тоже был медиком?.. Или филологом, энтомологом, математиком?.. Кажется, в книжных шкафах в кабинете стояли книги по математике... Наверное, у него есть семья, ученики, коллеги...

В ту ночь больше не было вызовов, и при других обстоятельствах такое дежурство можно было бы назвать удачным. Но для Ирины это была самая ужасная ночь – она ни на минуту не задремала, думала, думала, думала. Поэтому утром ее глаза были красные и воспаленные. Нужно было бы поскорее добраться домой, полежать в горячей ванне, выпить снотворного и как следует отоспаться, но она решила napроситься на вскрытие.

Сдала смену и отправилась в Первый городской морг, куда был доставлен труп Кропоткина.

– Здравствуйте, я врач «Скорой помощи», вчера на моем дежурстве умер больной – Кропоткин, мы его привезли сюда около десяти вечера. Я могла бы присутствовать на вскрытии?

Перед Ириной стоял крупный мужчина в грязном белом халате с закатанными рукавами. У него тоже были красные глаза. Наверное, и он всю ночь не спал.

Патологоанатом долго смотрел на нее сверху вниз, словно не понимая, чего она хочет. А затем, дыхнув перегаром, отрезал:

– Нет.

– Нет?! – Ирина даже растерялась. Обычно патологоанатомы были не против присутствия лечащих врачей на секции. – Но послушайте, этот человек...

– Нет! – Он повернулся и пошел в сторону секционной.

Ирина продолжала стоять как пришибленная. Хоть бы объяснил почему... И что же теперь делать?

Она вышла и уселась на лавочку возле морга. Может, к начальству? Должно же быть у этого мужлана начальство. Или подождать, пока он окончательно протрезвеет, и тогда попробовать снова?

Сырая лавка отдавала неприятным холодом. Ирина вздохнула и пошла в сторону автобусной остановки. Завтра еще раз попробую, решила она. Будет другая смена. Труп некриминальный, со вскрытием торопиться не станут, а даже если сегодня вскрыют и не удастся присутствовать лично, может быть, дадут посмотреть акт...

– Ира, Иришка, ты?! Да остановись же.

– Вы мне? – не поняла Ирина. К ней приближался неуклюжий молодой человек в веселенькой гавайской рубашке, расстегнутой почти до пупка.

– Совсем зазналась, не узнаешь, не смотришь даже!

– Боря?.. – не без труда вспомнила Ирина. Борис Шаповалов. Учились вроде как вместе, то есть он был на три курса старше, а знакомы оказались, потому что Борис когда-то крутил роман с Ириной одногруппницей Наташкой Зиминной.

– Можно подумать, я так сильно изменился.

– Нет, я просто...

– С тобой все в порядке? Ты как здесь? Чего вообще подделываешь? Закончила? Устроилась? Может, пойдем кофейку тяпнем? – Борис просто завалил Ирину вопросами, впрочем, наверняка чисто риторическими. Ответов он не ждал и даже не слушал. – Пойдем по кофейку! А я тут судмед... потрошитель, короче. Наташка как? Приткнулась в гастро или терапевтом где-нибудь?

– Погоди, Борис, ты патологоанатом?

– Ну, дык, говорю же.

– Можешь мне помочь?

– Не вопрос. Руки, ноги, черепа – в формалине и без, коллекционные экземпляры, для друзей скидка...

– Боря! Ну пожалуйста!

– Молчу. Слушаю. И повинуюсь.

– Понимаешь, у меня вчера больной умер... Я на «скорой» в линейной бригаде, сердечный приступ, оказалось – инфаркт, мы сами его привезли, а меня на вскрытие категорически не пускают...

– Кофеек. У меня, – отрезал Борис. – И там ты мне все подробненько.

От кофе чем-то сильно пахло. Несмотря на то что Борис добавил в чашку пару ложек коньяка, пах напиток скорее формалином.

Ирина пересказала свои злоключения еще раз. На этот раз Борис выслушал, даже не перебил ни разу.

– Это заведующий наш, – отрекомендовал он давешнего хама в грязном халате. – Не обижайся, он классный спец, просто человек такой... несимпатичный, короче. Ему легче с мертвыми общаться, чем с живыми.

– Но я хотела узнать, в чем моя ошибка. Боря, он в таком состоянии, ну... как это сказать...

– Ха! – Борис заржал так громко, что Ирина от неожиданности вздрогнула. – Для нашего «папы» это не состояние! Шел ровно?

Ирина кивнула.

– Ну, значит, все в порядке. А утренний перегар... дык, работа у нас такая.

– Борь, ну пожалуйста, можно мне как-то пробраться в секцию?

– Не-а, – мотнул головой Борис. – «Папу» лучше во время работы не злить. Но сдастся мне... что протокол вскрытия я смогу достать. Тебя это устроит?

– Конечно! Конечно, устроит! А когда?

Гогот Бориса снова испугал Ирину.

– Ну ты быстрая! Скоро. Телефончик давай и мой запиши. Через пару дней созвонимся... Ты меня на чашку чаю пригласишь... или пива... или...

– Обязательно! – Ирина была так благодарна знакомому, что готова была его расцеловать.

Николай Щербак

Он позвонил в офис и кратко пересказал Денису содержание разговора с Лидочкой. По телефону же обсудили предварительные версии. Напрашивался сразу целый букет вариантов, и Николай озвучил их для шефа:

– Тут либо травма, вызванная опьянением: споткнулся, упал, очнулся – гипс; либо хулиганство: увидели пацаны, например, подвыпившего мужика с портфелем, мужика побили, портфель отобрали, потом выбросили в ближайший мусорник; либо целенаправленное ограбление: кто-то мог сидеть рядом в баре, например, и видеть, что у Эренбурга есть деньги и фотоаппарат наверняка недешевый, потом догнал, дал по башке и смотался; возможен и ментовский беспредел: обшмонали и теперь, конечно, ни за что не признаются... А возможно, его и в самом деле били конкретно, чтобы напугать или вовсе убить, а портфель сперли, потому что там были важные бумаги. Короче, вот что я думаю: надо ненавязчиво поговорить с теми ментами, что Эренбурга обнаружили и отправили в больницу.

– Согласен, – откликнулся Денис. – Сейчас отправлю Севу. А ты обойди бары, в которых мог побывать Эренбург.

– Понял. А квартира, соседи?

– Квартиру и соседей беру на себя, – решил Денис.

Ну и отлично. Настроение у Николая заметно улучшилось. И из шкурных соображений, конечно, – не только ему выходной терять, пускай и Сева тоже повкальывает, сходит в отделение, курирующее Курский вокзал и окрестности (у ментов в воскресенье тоже, между прочим, рабочий день). Но больше из-за того, что все в этом деле так сразу завертелось и заладилась. Глядишь, отыщутся свидетели нападения – и все вообще можно будет прямо сегодня закончить и передать на блюдечке с голубой каемочкой дорогим официальным следователям. И устроить себе выходной среди недели – прямо в понедельник, например.

Воодушевленный такой перспективой, Николай с удовольствием пообедал в «Русском бистро» и отправился на проспект Мира, обходить бары.

Таковых в непосредственной близости от дома, в котором проживал Эренбург, оказалось три. И в первом же Николаю повезло. Бармен узнал журналиста по фотографии и уверенно заявил, что 31 июля вечером Эренбург выпил две бутылки пива «Миллер», ушел около половины восьмого. Бармен, как выяснилось, не отличался феноменальной памятью, просто Эренбург посещал данное заведение регулярно, а завсегдатаев здесь принято знать в лицо.

Размышляя, чем занялся Эренбург с половины восьмого до половины одиннадцатого, Николай зашел еще в один бар по соседству. Просто так, для очистки совести. Но оказалось, что и здесь Эренбурга знают и тридцать первого он тоже тут выпивал. Тоже пиво, но ушел скорее в начале девятого.

Несколько озадаченный, Николай проверил еще четыре забегаловки в радиусе двух кварталов и вынужден был признать, что Эренбург гигант не только в обольщении женщин, но и в потреблении пива. Его фото узнавали везде, и в каждом баре, засиживаясь не более получаса, он пропускал по одной-две поллитры «Миллера», то есть, по самым скромным подсчетам, в тот вечер он выдул литра четыре, а может, и все пять. Причем двигался он не к дому, а от него. И, наконец, в какой-то момент бармены перестали понимающе ухмыляться, глядя на портрет журналиста, то есть, выходит, Николай достиг границ ареала обитания (а вернее, выпивания) Эренбурга.

Получалось, что свой пивной марафон гигант Костя начал в районе семи вечера, очевидно доехав на такси от корпункта до дома или, скорее, до первого бара. Портфель был с ним, бармены кое-где вспомнили, во что он был одет, и это был тот же гардероб, что описала Лидочка, – резонно было предположить, что домой он не заходил.

Позже всего журналиста видели примерно в 21.45 в заведении «Чикаго-клуб», причем был он все еще с портфелем, просидел дольше обычного и там же подцепил двух профессионалов.

За очень скромную взятку бармен Федя согласился показать путан Николаю, если тот подойдет попозже, часам к девяти. Николай обещался быть.

Таким образом, к выдвинутым предварительным версиям добавилась еще одна, а вернее, две: ссора с проститутками и скандал вплоть до мордобоя с постоянной подружкой (если таковая на тот момент у Эренбурга была).

Сева Голованов

– Тут ваши орлы тридцать первого вечером человека с черепно-мозговой на улице обнаружили...

Дежурный по отделению, заспанный старлей, подозрительно покосился на Севу:

– А он вам кто?

– Он мне клиент. – Сева продемонстрировал старшему лейтенанту удостоверение и, пресекая обычные в подобных случаях язвительные замечания по поводу частного сыска, заверил: – К вам ничего, кроме благодарности, мой клиент не испытывает.

– Тогда в чем проблема? – почему-то еще больше насторожился дежурный.

– Портфель с бумагами у него пропал. С важными бумагами.

– С бумагами?

– С бумагами.

– Его украли?

– Клиент не знает. Может, украли. Может, потерял...

– Конкретно. Чем я могу вам помочь? – спросил помрачневший на манер тучи мент, очевидно обуреваемый самыми худшими предположениями.

– Конкретно? Я очень хочу поговорить с патрульными, которые обнаружили моего клиента и тем самым спасли ему жизнь.

– Благодарственное письмо оформляйте на имя начальника отделения майора Перетько Е. Е. А если... Если ваш клиент собирается обвинить наших сотрудников в краже...

– Не собирается, – мотнул головой Сева. Не собирается, ибо это глубоко бесполезное занятие. Если они поперли портфель, то за вознаграждение и по-тихому, может, и вернут, а со скандалом – ни в жизнь. – Он затем меня и нанял, чтобы я потерянный портфель искал. Но он не помнит: ни где его подобрали, ни откуда он туда приполз. Вот я и хотел поговорить с ребятами.

Дежурный перелистал журнал:

– «Неизвестный гражданин с травмой головы обнаружен в Лялином переулке, около дома номер девятнадцать в двадцать два шестнадцать. Привлекал внимание прохожих нецензурными стонами. Осуществлен вызов неотложной медицинской помощи. Неизвестный находился в сильном алкогольном опьянении. Предположительно причиной травмы явилось падение с высоты собственного роста или самопроизвольное столкновение со строительной конструкцией типа стены или фонарного столба. До прибытия „скорой помощи“ обыск неизвестного не производился». Впоследствии... – старлей перелистнул страницу, – из Седьмой клинической больницы сообщили, что «гражданин Германии Константин Эренбург находится в критическом состоянии. При нем обнаружены документы: паспорт и удостоверение сотрудника радио „Свобода“, бумажник с деньгами (сто пятьдесят евро и тысяча шестьсот рублей) и мобильный телефон».

– Искренне вам признателен. – Сева прилежно записал все в блокнот. – Но с сотрудниками я все-таки могу встретиться?

– Иди встречайся, – буркнул дежурный. – Они все там. Сегодня тот же наряд работает.

Денис Грязнов

Денис планировал поговорить с соседями Эренбурга, но оказалось, что тетушка Анна Львовна тоже на месте. Она примчалась вместе со своей таксой с дачи, как только узнала о нападении на Константина. Так что у Дениса образовался гораздо лучший источник информации, нежели соседи, а заодно появилась возможность попасть в квартиру журналиста.

– Какой ужас!.. – причитала Анна Львовна, угощая Дениса чаем со смородиновым вареньем. – Я сама боюсь выходить по вечерам на улицу – столько шпаны развелось, прямо как после войны. Тогда тоже было страшно. Банды. В милиции людей не хватало – старики да инвалиды, комиссованные из армии, после восьми в центре еще гуляли, а по окраинам – сидели по домам... И сейчас опять все возвращается. Я, знаете, думаю, что надо с этим что-то делать или вводить комендантский час.

Денис помалкивал. Забавлялся с таксой – рыжей, смешной скотиной, которая все норовила попробовать на вкус его штанину, – и давал возможность тетушке выплеснуть наболевшее.

– А какая сейчас милиция! – возмущалась Анна Львовна. – Им бы только карманы набить – нажиться на чужой беде. Посмотрите на гаишников, у всех лица поперек себя шире! Те, которые по улицам ходят, только и умеют деньги брать с несчастных без регистрации. Я коренная москвичка, но я не понимаю этого: всегда со всей страны ехали в столицу – подработать, купить что-то, чего в провинции нет, просто посмотреть... Они бы лучше бандитов ловили! Нет, есть, конечно, и честные следователи и рядовые милиционеры, наверное, хорошие есть, но, боже мой, как же их мало! Я, знаете, рада, что Барбара наняла частных детективов. Хоть и говорят о них много нехорошего: и клиентов обманывают, мол, и с милицией спелись – продают то, что следователи уже за зарплату нашли, – но я лично частным сыщикам верю. Вот моя подруга квартиру покупала и наняла частного детектива, чтобы проверил, не мошенник ли продавец: двушка на Народного Ополчения, и всего за двадцать тысяч, так, представляете, оказалось – целую банду разоблачили. Уж как она радовалась, бедняжка...

– А что Константин... – перебил Денис, видя, что Анна Львовна ударилась в разглагольствования, далекие от темы, – он тоже боялся выходить по вечерам?

– Конечно нет, – отмахнулась тетушка, – молодым свойственна самонадеянность, все кажется, что с тобой-то уж точно ничего не случится. А кроме того, его работа была связана с разными встречами, иногда в самых неподходящих местах, в самое странное время.

– Он рассказывал о работе?

– Изредка. Не хотел меня волновать, его ведь область не светская хроника, его репортажи часто касались криминала, раньше он вообще не вылезал из горячих точек. Вы знаете, что Костя четыре раза становился лауреатом очень престижных журналистских премий? Да. Его успехи мы отмечали вместе. Костя – человек домашний, банкеты, презентации не любил – ходил туда, конечно, но не любил. Он с ранней юности увлекся журналистикой и с тех пор ей не изменял, готов жертвовать ради хорошего репортажа чем угодно, и его за это очень ценят. Однажды я заходила к нему на работу, и он познакомил меня со своей начальницей, Барбарой. Так вот она сказала, что у Кости удивительное чутье на сенсации.

– А о текущей работе упоминал?

– Да, обмолвился, что встречается с интересными, удивительными людьми – учеными, полагал, что будет выглядеть в компании с ними клиническим идиотом, а оказалось, ничего – прорвался и даже не особенно опозорился. Он записал на видео передачу «Эврика» с Венцелем. Интеллигентнейший человек, умница. Потом мне показывал, дело в том, что я тоже имею какое-то отношение к науке, тридцать лет проработала преподавателем, моя специальность –

экономическая география; сейчас на пенсии, но иногда балуюсь репетиторством, экономика в наши дни – популярная специальность...

Денису снова пришлось прерывать:

– А не упоминал Константин о каких-то конфликтах, возникших в последнее время, возможно, связанных с работой над репортажем?

– Какие конфликты? Он ведь не с барыгами общался и не с уголовниками. Вот когда он готовил репортаж о нелегальных иммигрантах из Вьетнама, были и конфликты, и угрозы, его даже избили...

– Сейчас его тоже избили, – заметил Денис.

– Но не ученые же?! Бог с вами, обычные хулиганы, грабители. Увидели на улице подвыпившего человека и набросились. Да, есть у Кости такая пагубная страсть – любит выпить. Он не болен, не алкоголик, нет. Вот его отец, мой покойный брат, тот действительно спился уже к сорока годам, а ведь был удивительно талантливый человек, архитектор. Безумно талантливый!

– То есть вы даже мысли не допускаете, что нападение на Константина может быть связано с текущим репортажем?..

– Знаете... – на минуту задумалась Анна Львовна, – точно я вам сказать ничего не могу. Я последние две недели провела на даче, и, когда мы с Костей перезванивались, меня интересовал в первую очередь вопрос: чем он питается. Он же спрашивал больше о видах на урожай, зная, как трепетно я отношусь к своему саду. О делах мы не говорили, но, если бы у него были какие-то серьезные неприятности, я бы почувствовала – слишком хорошо его знаю. Понимаете, так сложилось, что своих детей у меня нет, и Костя всегда был мне как сын. Но нет... Я все-таки думаю, что это хулиганы. Уличная шпана. Раньше сбивали шапки, срывали сережки и цепочки, теперь им подавай деньги, и лучше долларами, а у Кости денег всегда при себе было опасно много.

– Но ведь деньги же не пропали, – возразил Денис.

– Это еще ничего не значит, – отмахнулась тетушка, подливая Денису еще чаю. – Кто-то мог спугнуть грабителей. Те же милиционеры, они ведь Костю в больницу доставили. А грабитель сейчас пошел опытный, для них лучше еще одного прохожего подстеречь, чем риск угодить в милицию, там их самих ограбят, да еще избьют и, раз уж попались, заставят признаться во всех нераскрытых преступлениях. А их столько сейчас, нераскрытых! Вот у нас в подъезде Паниных обокрали – полгода уже ищут воров. Нас тоже пытались, слава богу, не пробилась через железную дверь. Хоть у нас и братья-то нечего...

– А когда вас пытались ограбить? – заинтересовался Денис.

– Да представляете, в тот же вечер, когда избили Костю. Говорят же, пришла беда – открывай ворота, напасти поодиночке не ходят.

– Вы следы на двери обнаружили?

– Да нет. Соседка отстояла, представляете! Как раз та самая Панина Светлана, она теперь после того случая с большим подозрением к незнакомцам относится. Какие-то двое вслед за ней в подъезд проскочили, а она на этаж выше нас живет. Они до нашей квартиры дошли, звонят. Она поднялась к себе на этаж, дверь открыла, но что-то ее задержало, слышит: они еще раз позвонили и начали ключ в скважину вставлять и вполголоса ругаются, что не подходит. Она тут же мужа позвала, хорошо, что дома оказался, вместе спустились, а эти двое сразу наутек.

– Понятно, – подивился Денис наивности тетушки, два таких события в один день вряд ли могут быть независимыми. Скорее хулиганы прекрасно знали, кого бьют, и, может быть, за ключами как раз и охотились, чтобы потом без помех влезть в квартиру. – А у Константина есть свой кабинет?

– Конечно, хотите посмотреть?

– Хочу, – с готовностью вскочил Денис, уже опившийся чаем.

Анна Львовна проводила его в комнату, напоминающую кабинет весьма относительно. Пара книжных полок, целый стеллаж с видеокассетами, диван, журнальный столик, телевизор, музыкальный центр и велотренажер.

– А компьютером Константин не пользовался? – спросил Денис.

– Иногда приносил с работы ноутбук, когда хотел в Интернете поработать. А записи только на бумаге. И вы не смотрите, что письменного стола нет, – Костя обожает все делать лежа: и пишет, и читает...

– Его коллеги приходили...

– Да, – замахала руками Анна Львовна, – пришли, сказали, что репортаж у Кости был готов совсем, а на работе они не нашли, только здесь тоже ничего такого нет, если бы было что-то, то вот тут бы, на журнальном столике, и лежало.

– А кассета, о которой вы говорили? С передачей... Могу я ее посмотреть?

– Смотрите, если хотите. – Тетушка отыскала среди кассет нужную и подала Денису пульт от видеоманитфона. – Только объясните мне, пожалуйста, – вы что же, подозреваете, что Костю из-за репортажа?..

– Мы проверяем все версии. И если на него напали случайно, проверим – погуляем по тому району, где это случилось, может, и на кого-то из нас нападут...

Анна Львовна изумленно всплеснула руками:

– Вы будете рисковать жизнью?!

– Постараемся быть осторожными, – успокоил ее Денис. – Но грабители могли и не случайно заинтересоваться Константином, возможно, кто-то узнал, что он носит при себе деньги не только на карманные расходы, может быть, кто-то из его знакомых проговорился кому-то из своих знакомых...

– Да, у Кости такое количество знакомых девушек...

– Он что, вам их представлял?..

– Нет, но я же его знаю. Он знакомится в метро, в такси, в баре, на улице, не пропускает ни одной смазливой мордашки. Я сколько раз ему говорила: Костя, будь осторожнее в выборе знакомых, наживешь неприятности, а он отшучивался, что ищет идеальную спутницу жизни. Она должна быть, естественно, красивой, и с ней должно быть о чем поговорить.

– Нашел?

– Пока еще в поисках, – вздохнула Анна Львовна. – А что же вы, и коллег его подозреваете, может, соседей наших?

– Мы никого пока не подозреваем. Мы проверяем любые возможности.

– Ну ладно, – похоже, не поверила тетушка. – Смотрите кассету. Чайку вам еще принесу.

– Нет-нет-нет! – запротестовал Денис, но, видя, что Анна Львовна огорчилась, добавил: – Может, попозже...

Кассета начиналась последними кадрами какого-то бразильского сериала, потом был длинный блок рекламы, – очевидно, Эренбург установил на видеоманитфоне время начала передачи по программе, а реально она началась минут на десять позже. Денис промотал ненужное. Наконец в кадре появился большой круглый стол и ведущий Марк Венцель – социолог, профессор, лауреат Всероссийской премии за выдающийся вклад в популяризацию науки – представил гостей передачи. Два академика – Сергей Беспалов и Рафаил Арутюнян, замминистра образования Ефим Полянчиков и член совета по делам науки при президенте РФ Герман Сысоев. Эренбург не зря заинтересовался этой передачей. Маститые ученые собрались поговорить на интересующую журналиста тему – об убийствах ученых.

Венцель длинно и довольно скучно предварял беседу: дескать, и без того ученым в России несладко, а тут еще открылся на них сезон охоты. Денис терпеливо выслушал вступительное слово, не почерпнув из него ни капли информации. Потом стали говорить гости, – естественно, начали с министерского чиновника. Тот тоже ничего путного не сказал. Посетовал

только: когда у нас в науке наконец все начало налаживаться, деклассированные элементы проявили интерес к ученым и содержимому их кошельков. Но сетовал пространно – минут пять. Потом высказался президентский советник: дескать, вся научная общественность обеспокоена, а особенно Академия наук. Академики живо эту обеспокоенность подтвердили: Беспалов – от имени РАН, Арутюнян – от имени РАМН. По кругу очередь докатилась снова до Венцеля. Он стал называть погибших поименно, перечисляя заслуги и звания. Остальные кивали, добавляли что-то, сокрушались, что гибнут поистине великие ученые.

Наконец вроде бы наметилось что-то интересное. Академик Беспалов с глубокомысленным видом спросил:

– Кто следующий?

Министерский чиновник и президентский советник наперебой запричитали:

– Хватит уже! Должно же это когда-нибудь закончиться!

Но тут же сами и усомнились, что закончится просто так, вдруг, как и началось. Вопрос «кто следующий?» повис в воздухе, все дружно и глубоко задумались.

Арутюнян начал строить прямо на столе воображаемый штабель трупов. То есть он, наверное, не это имел в виду, но выглядело это именно так. Он изображал ладонями слои и перечислял снова:

– Осталась ли область науки, не понесшая потерь? Микробиология, психология...

– Технология и химия, – добавил Полянчиков.

– Юриспруденция, – поддержал Сысоев.

Очередь опять дошла до Венцеля.

– И венчает всю эту анархию...

Логично было бы сказать «иерархию», подумал Денис, и назвать математику и физику, там, наверное, тоже были жертвы. Но поправиться и закончить Венцель не успел.

– Никто! – взвизгнул вдруг Беспалов. – Никто не застрахован! И это страшно, друзья!

После этой истерической реплики все как-то засуетились, начали уверять друг друга, что все будет хорошо, на том передача и закончилась.

Денису было довольно сложно все это воспринимать, поскольку называвшиеся фамилии были ему неизвестны, о подробностях убийств не говорили, о результатах следствия – тоже, беседа получилась практически бесконфликтной, а потому нудной, и вообще все пятеро на разные лады повторяли, что нынче быть ученым в России – это значит попасть в группу риска. Передача сильно напоминала комплексную панихиду по погибшим.

Эренбург-то, наверное, погрузился в тематику, поэтому мог увидеть что-то интересное или подтверждающее его собственные мысли, а может, он, наоборот, собирался использовать эту беседу как пример непонимания ситуации даже коллегами и друзьями жертв. Или записал передачу, просто чтобы похвастать тетушке, пальцем показав на академиков, с которыми он пил чай, не выглядя клиническим идиотом.

Анна Львовна гремела чашками на кухне. Денис спрятал кассету обратно в коробку, отметив механически надпись на ярлычке, очевидно сделанную рукой Эренбурга, «Эврика. 19 июля» – передача довольно свежая. На всякий случай спросил у тетушки:

– Можно я возьму это ненадолго?

– Конечно, – вздохнула она. – Надеюсь, вы найдете этих бандитов. А мне, если что-то будет нужно, звоните в любое время, я не уеду, пока Косте не станет лучше. Врачи молчат, но я чувствую, что все будет хорошо, он выкарабкается.

– Обязательно, – кивнул Денис. – А не подскажете, в какой квартире живет женщина, что спугнула воров от вашей двери?

– Светлана? Вы хотите с ней поговорить?

– Хочу, – сознался Денис.

– Ну тогда лучше я вас ей представлю, иначе ничего не получится. Я вам говорила, она очень подозрительно относится к незнакомым людям.

Соседка была дома. Анна Львовна, переборов любопытство, ушла к себе, а Денис пообщался с бдительной Светланой. Она рассказала, что дверь пытались взломать двое мужчин, высокие, среднего возраста – тридцати пяти – сорока лет, худощавые, аккуратно одетые. Никаких особых примет воров она не заметила и описать затрудняется, но, если еще раз увидит, узнает обязательно.

Сева Голованов

С патрульными Сева гораздо быстрее нашел общий язык. Орлы отдыхали: попивали кофе в уличной забегаловке. Ситуация была располагающая, и сыщик ею воспользовался.

– Кровищи-то было, кровищи! – с восторгом рассказывал совсем молодой сержант, очевидно еще не привыкший к подобным событиям. Его коллега, более зрелый старшина, только скептически дернул уголок рта на это восклицание. Но оба напарника были единомышленны в том, что рана выглядела очень страшно: на лбу и темени – длинная вмятина, череп, скорее всего, пробит. И хотя от мужика разлило пивом, как будто он в нем искупался, они даже не подумали отправлять его в вытрезвитель, а сразу вызвали «скорую».

– А он был один? – спросил Сева.

– В смысле – без собутыльников? – уточнил старшина. – Не-е, один. Толпа, понятно, вокруг собралась, девушка какая-то пыталась даже ему первую помощь оказать. Но в «скорой» с ним никто не поехал, и, когда мы начали выяснять, не знает ли кто его, чтобы не тормозить лишний раз в поисках документов, никто не вызвался.

– А появился он откуда? Из машины вышел, пешком пришел?

– А кто его знает!.. – пожал плечами сержант. – Мы только успели его «скорой» сдать, а тут драка бомжей, потом рокеры малолетние, потом...

– Короче, хоть вокзал и не наша непосредственно территория, – добавил старшина, – тамошний контингент и сюда достает. Бомжи, беспризорники, проститутки, менялы, кидалы, майданники... И это плюс к обычной бытовухе, которой и так выше крыши.

Ясно, подытожил про себя Сева, прямо тогда по горячим следам не проверили, а после дежурства вкалывать или на следующем дежурстве время тратить – в облом. Но хоть точное место, где лежал Эренбург, патрульные Севе показали.

Там до сих пор виднелось отчетливое темное пятно на тротуарной плитке. И тогда, два дня назад, наверняка не составляло труда разобрать менее яркие, но все же заметные следы. Откуда они вели? Из ближайшего въезда во двор? Или тянулись вдоль тротуара? Или капли и струйки начинались у проезжей части?..

– Скорее всего, он сам притащился из какой-нибудь темной подворотни, – заметил старшина. – Место людное, если бы из машины вытолкнули, обязательно какой-нибудь сознательный пенсионер заметил бы и заявил. Да и завезти во двор или на менее оживленную улицу ничего не стоило.

– А может, он прямо рядом в каком-нибудь баре нарезался, вышел на своих двоих, хотел тачку тормознуть, а тут земля зашаталась или угол дома неожиданно навстречу выскочил... – высказал свою версию сержант.

Бары и кафе Сева, конечно, обошел. Эренбурга по фотографии никто не опознал. Могли, разумеется, и не запомнить, а скорее, он там и не появлялся – Сева созвонился с Николаем, получалось, что журналист успел надраться далеко от этого места, да еще и шлюх снять. Но случилось это всего-то минут за тридцать до того, как его обнаружили...

Получается, эти шлюхи его куда-то сюда завезли, по головушке трахнули, портфель отобрали и бросили бедолагу в надежде, что он не скоро в себя придет, а он выполз.

И очень, кстати, возможно, что девушка, о которой менты упоминали, которая помощь Эренбургу якобы оказывала, была одной из них. Может, хотела убедиться, что клиент жив? Или наоборот?

И Сева пошел обходить подворотни. Спрашивал подростков – любят они в темных углах зажиматься, собачников – тоже гуляют в неурочное время, дворников – могли видеть следы

крови, пенсионеров – любопытные товарищи: к крикам прислушиваются, к незнакомым при-
сматриваются.

Проштался часа два, язык уже не ворочался задавать одни и те же вопросы, а уши устали
выслушивать одни и те же ответы: не видели, не слышали, не встречали, не замечали...

И все-таки в конце концов повезло, вернее, труд был вознагражден. Сева набрел на двоих
интеллигентного вида собачников с толстыми, смешными мопсами. Они заявили, что, выгули-
вая своих питомцев, 31 июля примерно в десять часов вечера видели, как во дворе на неболь-
шой площадке за мусорными баками двое избивали третьего какими-то палками, возможно,
бейсбольными битами. А когда собачники их спугнули, то бросили свою жертву и скрылись на
светлой иномарке. Тот, которого били, тоже сбежал. И поскольку он двигался самостоятельно и
довольно резво, собачники тут же выбросили дурное из головы и в милицию звонить, конечно,
не стали.

Сева попросил описать жертву хулиганов.

– Невысокий. Полноватый. Не очень, наверное, молодой, – взялся перечислять один из
интеллигентов, второй – согласно кивал. – Длинные, до плеч, волосы. Темные. В светлых брю-
ках, светлом пиджаке, кроссовках, кажется. Его мы лучше рассмотрели, чем хулиганов. Он
пробежал на расстоянии, конечно, но мимо нас. А те двое умчались в другую сторону.

Получалось очень похоже на Эренбурга. И Сева поинтересовался портфелем.

– Не было, – в один голос уверенно заявили собачники. – Избитый человек размахивал
руками, и они точно были пусты. А у нападавших были только палки.

И выходило, что вовсе не путаны так отходили Эренбурга (если это, конечно, он, если в
одно и то же время по соседству не били двух похожих мужиков). Но Сева все-таки попросил
любителей мопсов вспомнить внешний вид хулиганов.

– Двое мужчин. Высокие. Крепкие. Примерно одного роста, где-то за сто восемьдесят
сантиметров. В темной одежде, без масок, но лиц в темноте все равно было не видно.

– А еще... – добавил один из интеллигентов. – Чуть в стороне стояла женщина. Или
девушка. Небольшого роста, стройная, кажется – темноволосая. Мы как раз подходили, когда
она крикнула нападавшим, чтобы прекратили.

– И куда она потом делась? – спросил Сева.

– С пострадавшим она точно не пошла. Скорее всего, она его не знала, просто тоже про-
ходила мимо и не побоялась вступить. Особенно когда увидела, что мы подходим.

Николай Щербак

С путанами Николай провел короткую, но очень конструктивную беседу, из которой следовало, что бар «Чикаго-клуб» вместе с журналистом Костей (так он представился) они покинули примерно в 21.35–21.45. Эренбург петушился и, несмотря на изрядное подпитие, обещал девушкам ночь незабываемой любви. Однако стоило им оказаться на улице, как журналист буквально сразу почувствовал себя неважно, отпустил вызванное такси, они все втроем посидели немного на троллейбусной остановке, после чего Эренбург выплатил девушкам щедрую компенсацию, извинился за свою несостоятельность, пообещал, что обязательно на днях опыт можно будет повторить, и девушки ушли, а журналист остался сидеть, приходить в себя.

И был он все еще с портфелем.

Проститутки же зашли в бар. Не тот же, но по соседству, и провели там в ожидании клиентов следующие полтора часа.

В последней части показания путан подтвердились. Это давало повод поверить им и в остальном.

Получалось, что в 21.45 Эренбург с портфелем еще ждал троллейбуса, а через тридцать минут оказался с пробитой головой и без портфеля в трех километрах от остановки. Причем он продолжал удаляться от дома.

Возможно, конечно, просто решил прогуляться, проветрить мозги и напоролся на случайных хулиганов?.. Версия хорошая для милиции – все вроде объясняет, и дело, только заведя, легко списать в «глухари», поскольку случайных хулиганов можно вычислить либо по горячим следам, которые в данном случае безвозвратно остыли, либо если сильно повезет, а на такую удачу никто не надеется.

Но если подходить к делу не с мыслью поскорее с ним расплесться, то можно предположить, что некто спровоцировал Эренбурга на эту прогулку. Например, завел беседу на интересующую журналиста тему или просто предложил пропустить еще по стаканчику. Потом не торопясь завел в темную подворотню, где уже ждали сообщники, и там...

Возможно, этот некто даже следил за Эренбургом весь вечер.

Но вот портфель?!

Если свидетели, которых откопал Сева, ошиблись, и портфель у «хулиганов», то искать его, не найдя преступников, бесполезно. Но если Эренбург банально его потерял... например, забыл прямо на остановке или обронил по дороге, то...

Николай решил не сбрасывать со счетов эту, пусть даже малую, вероятность. Скооперовавшись с Севой, на каждом столбе по пути от остановки до места, где был обнаружен журналист, они расклеили пару сотен объявлений:

«Утерян портфель с документами.

Кожаный, черного цвета, с длинной ручкой и двумя застежками
серебристого металла,

между застежками вдавленная надпись «Anchelotti Ltd».

Просьба вернуть за солидное вознаграждение».

Денис Грязнов

Нападение на Эренбурга выглядело как-то странно. Два здоровых мордovorота, да еще с бейсбольными битами, избивают отнюдь не каратиста-медалиста, а обрюзгшего сорокалетнего мужика в изрядном подпитии. Если их интересовал его бумажник, могли бы просто пригрозить и отобрать.

Пусть даже Эренбурга в пьяном виде потянуло на геройство и он оказал сопротивление – все равно на стороне нападавших численное преимущество плюс дубинки. Огрели бы легонько по затылку или дали под дых и отобрали деньги – всего-то делов.

А что делают они? Они бьют... вернее, ударяют один раз сверху по темечку. Наверняка понимая, что такой удар может оказаться смертельным. Отморозки? Или тоже пьяные и ничего не соображающие?

Был бы Эренбург негром или кавказцем, можно было бы заподозрить скинхедов, например. Но у журналиста вполне славянская внешность, и по-русски он говорит без акцента, а заглянуть в его документы и рассудить, что Эренбург не русская фамилия, у нападавших, очевидно, не было возможности.

Короче говоря, непохоже, что нападение было случайным. А если оно было неслучайным и при этом не было ограблением, тогда выходит, что Эренбурга либо хотели изрядно напугать, либо это вообще была попытка убийства и только колоссальная доза алкоголя в крови, образовавшая своего рода наркоз, спасла журналиста от верной смерти.

Однако нужно разобраться, что послужило причиной для убийства или акции устрашения? Первое, что приходило на ум Денису: женщины.

Будучи профессиональным соблазнителем, Эренбург наверняка не мог обходиться без конфликтов. Могла встретиться ему, например, девушка с характером, которой он пообещал, скажем, серьезные отношения, а потом променял на десяток других. И такая девушка, наверное, способна попросить друзей или нанять профессионалов, чтобы как следует проучить донжуана. Или у девушки нашелся муж (бойфренд) с характером, который вместо нее обиделся на журналиста. Или же Эренбург нагло вторгся на территорию одной из московских бригад пивников или пикаперов...

Но первая, самая тривиальная версия, как правило, оказывается ошибочной, это Денис знал по опыту. Ее, конечно, нужно зафиксировать и соображать дальше. И соображать еще хотя бы потому, что у Эренбурга пропал портфель, а обиженным девушкам и юношам портфель с бумажками, безусловно, без надобности. Портфель мог понадобиться тем, кто не хотел, чтобы репортаж Эренбурга дошел до его слушателей. А над чем работал Эренбург? Эренбург разбирался в серии убийств российских научных работников. И может быть, где-то как-то оказался проворнее официального следствия.

От Дениса тема репортажа Эренбурга была бесконечно далека. Конечно, в телевизионных новостях периодически мелькали сообщения об убийствах ученых и нападениях на них, кажется, кого-то еще похитили. Запись передачи, посвященной этому, он посмотрел у Эренбурга дома, а потом еще раз посмотрел...

Но «Глории» ничем таким заниматься не приходилось, и даже дядюшка с Турецким на совместных посиделках никогда не затрагивали сей предмет.

Надо бы хотя бы в общих чертах охватить проблему, рассудил Денис. Даже если потом выяснится, что к проломленной голове Эренбурга она отношения не имеет.

В Интернете материалов было предостаточно. Разборы отдельных дел Денис читать не стал, просмотрел только большие аналитические статьи в «Известиях», АиФе, «Независимой газете», но для общего представления и этого хватило.

4 января 2002 года в Санкт-Петербурге совершено нападение на академика Игоря Глебова – директора НИИ электромашиностроения. Игорь Глебов и его жена вечером возвращались из Сбербанка, где получили свои пенсии. Возле дверей лифта на них напали трое неизвестных, жестоко избили и отобрали деньги. 11 января Глебов скончался.

30 января 2002 года в подъезде своего дома на юго-западе Москвы задушен директор Института психологии РАН профессор Андрей Брушлинский. У ученого пропала сумка с документами.

8 февраля 2002 года в Москве ударом бейсбольной биты по голове убит завкафедрой микробиологии Российского государственного медицинского университета Валерий Коршунов.

28 марта 2002 года в подъезде своего дома на юге Москвы убита Наталья Лильина – ведущий преподаватель медико-стоматологического университета. Убийца похитил сумку и мобильный телефон.

18 августа 2002 года в Красноярске пропал без вести химик Сергей Бахвалов, разработавший метод утилизации «Курска». Его обезображенное тело было найдено за городом через несколько дней.

30 августа 2002 года в Южном округе Москвы бейсбольной битой забит насмерть пятидесятилетний Эльдар Мамедов – первый проректор Всероссийской государственной налоговой академии МНС России.

25 сентября 2002 года убит Сергей Мельник, преподаватель Дальневосточного государственного университета, руководитель краевого патологоанатомического бюро. Профессора застрелили в перерыве между лекциями в собственном кабинете.

19 ноября 2002 года в Москве был убит профессор Российского государственного медицинского университета Борис Святский. Киллер дважды выстрелил ему в грудь и один раз в голову. Борис Святский прославился как специалист в области лечения детских вирусных гепатитов. С 1995 года он работал одним из руководителей кафедры детских инфекционных заболеваний РГМУ, практиковал в Морозовской больнице.

И это только за прошлый год. А еще в нынешнем...

22 января 2003 года ночью неизвестными был застрелен проректор Московской академии тонкой химической промышленности, доктор химических наук Виктор Французов. Следствие считает одной из причин преступления финансовую деятельность погибшего – якобы Французова заказали криминальные структуры, недовольные «распределением доходов от незаконной аренды помещений МИТХТ».

27 февраля 2003 года был убит в собственном подъезде ударом некоего тяжелого предмета по голове генеральный директор Международного центра по ядерной безопасности Министерства атомной энергетики 68-летний Сергей Бугаенко.

12 марта 2003 года в Москве был зарезан преподаватель Финансово-юридической академии Вадим Рябцев. Тело 55-летнего преподавателя было найдено в квартире его сына в доме номер 11 по Малому Ивановскому переулку. Судмедэксперты насчитали на груди и животе Рябцева шесть ножевых ран.

То есть выходит – только убийств произошло больше десятка. А ведь были еще нападения, которые относительно хорошо закончились – жертвы по крайней мере живы.

Совершено нападение на декана исторического факультета МГУ Сергея Карпова. Профессор, получивший тяжелую черепно-мозговую травму, был доставлен в 64-ю горбольницу, а затем экстренно переведен в Институт нейрохирургии им. Бурденко. Остался жив.

В собственном подъезде был избит доцент кафедры международного права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 38-летний Алексей Исполинов. Неизвестные преступники поджидали Исполинова в подъезде дома на улице Островитянова, в котором находится его квартира, когда преподаватель возвращался домой из университета. Нападав-

шие забрали сумку синего цвета, в которой находилась черная кожаная папка с документами. Милицию вызвали соседи.

Трое мужчин в масках ворвались в одну из квартир в доме № 56 на Большой Серпуховской улице. В этой квартире проживает преподавательница Российской экономической академии имени Плеханова. Угрожая ножом, грабители заперли 55-летнюю женщину в ванной и вынесли из квартиры все украшения, деньги и ценные вещи. Сообщалось, что сумма похищенного составляет двести тридцать тысяч рублей. Имя и фамилия пострадавшей не разглашаются.

Трое мужчин напали на докторанта Института океанологии РАН в подъезде дома № 9/11 в Потаповском переулке. Пригрозив ножом ученому, налетчики отобрали у него мобильный телефон и деньги, затем скрылись с места происшествия.

И так далее и тому подобное...

Раскрыли всего пару убийств. Сергея Мельника – убийцей оказался санитар фирмы по оказанию ритуальных услуг, которому не нравились постоянные замечания Мельника по поводу того, что работник приходил на фирму в нетрезвом виде. И Вадима Рябцева – убийца также знал жертву. Милиция задержала 26-летнего жителя Тульской области, который признался, что он убил Рябцева, напившись и поссорившись с ним.

В остальных случаях дела тянутся и тянутся, а ощутимых результатов, судя по всему, по сей день нет. Следственные работники обнаруживают время от времени версии – в основном финансовые и бытовые мотивы, открытия и научная деятельность как мотив обычно не рассматриваются. Но убийцы, не пойманные по горячим следам, не пойманы до сих пор. И все уголовные дела существуют сами по себе и почему-то до сих пор не объединены в единое производство.

Странно, на первый взгляд серия как будто просматривается: в большинстве убийств фигурируют бейсбольные биты и пропавшие документы. И еще странно, что, судя по всему, оставшиеся в живых отказываются давать какие-либо показания...

Денис оторвался от компьютера, потер уставшие глаза и задумчиво прошелся по кабинету. Нет, в принципе при том, что только в Москве в год случается 1200–1300 убийств, десяток-другой убитых ученых – капля в море, и тем не менее собранная вместе и систематизированная информация об этом напоминала если не фронтовую сводку, то криминальную хронику начала девяностых, когда пачками отстреливали новорусских бизнесменов. Материал действительно стоящий для такого журналиста, как Эренбург, – Денис прочел два последних репортажа журналиста, которые Лидочка выдала Щербак: о вьетнамских нелегальных иммигрантах и о подпольных тотализаторах. Репортажи были хороши, журналист писал не по слухам, он везде влез, все пощупал своими руками. Из этого следовало, что он и в самом деле крутой, зубастый, умный и хитрый профессионал.

Такой мог, наверное, отыскать систему, которую наши правоохранители до сих пор не раскусили.

Впрочем, интересно, что нападение на Эренбурга во многом похоже на нападения на ученых: его били бейсбольными битами, его бумажник грабителей не интересовал, но при этом пропал портфель с бумагами, и, что особенно забавно, даже его коллеги всерьез не рассматривают его работу как причину покушения.

А ведь Эренбург мог... Мог случайно или намеренно добыть нечто серьезное – по какому-то одному эпизоду или по нескольким, а злодеи в свою очередь могли об этом узнать и начали принимать меры...

В кабинет, постучавшись, заглянул Щербак:

– Шеф, портфель нашелся, – кисло протянул Николай.

– Но пустой? – предположил Денис, глядя на унылую мину коллеги.

– Почему, полный и даже с довеском. Там один сыщик-пенсиянер к нам на работу про-
сится.

Николай Щербак

Пенсионер Леонид Яковлевич Иванов позвонил в «Глорию» через день после того, как были расклеены объявления. Вернее, до того были еще звонки. Народ, словно неграмотный или подозревающий в неграмотности составителей объявления, предлагал портмоне, чемодан, папку, школьный ранец... А какой-то псих вообще пытался впарить сыщикам спортивную сумку с роликами. Доказывал, что она тоже черная, почти кожаная и, главное, надпись очень похожа «Derby sports». И все домогался, можно ли ему получить хоть часть вознаграждения, если у него не совсем та вещь.

Психа, как и всех остальных впрочем, Николай отшил, но неприятный осадок остался. Сперва галопом несшийся на каждый звонок Щербак заметно поостыл, уже жалея, что дал в объявлении телефон «Глории», а не корпункта «Свободы», – пусть бы они поработали в качестве бюро находок.

Однако звонок пенсионера Иванова оказался тем самым единственным, которого ждали и на который почти не надеялись.

Леонид Яковлевич сообщил, что вечером 31 июля возле входа в супермаркет «День и ночь» он нашел портфель, полностью соответствующий по описанию портфелю Эренбурга. И что самое замечательное, пенсионера Иванова интересовало не столько вознаграждение, сколько то, чтобы потерянная вещь попала в руки настоящего хозяина.

Щербак вызвался было приехать за пропажей сам. Но Леонид Яковлевич потребовал детального описания содержимого портфеля, а иначе ни в какую не соглашался не то что отдать, а даже издали показать свою находку.

Пришлось Николаю долго объяснять, что он частный детектив, а телефон, по которому звонит уважаемый пенсионер, – номер частного детективного агентства, и ни Николай, ни его коллеги не являются хозяевами портфеля, а хозяин его всего лишь нанял их для поисков, и даже не хозяин, а его коллеги, так как сам хозяин сейчас в больнице в бессознательном состоянии, и в портфеле в принципе должен лежать фотоаппарат и бумаги, но каждая царапинка на фотоаппарате и каждая строчка, записанная в блокноте или на листах, или еще на чем другом, Николаю не знакома вследствие вышеизложенных причин. И если уважаемый Леонид Яковлевич желает, то для опознания портфеля можно организовать ему встречу с этими самыми коллегами хозяина, и, возможно, они совместными усилиями смогут убедить Леонида Яковлевича в том, что он отдает вещь не аферистам, а честным гражданам.

Когда до Иванова дошел смысл этой пространной тирады (а случилось это небыстро), он дрогнувшим вдруг почему-то голосом предложил:

– А давайте я сам подвезу портфель к вам в частное детективное агентство?.. – При этом словосочетание «частное детективное агентство» пенсионер произнес вообще полусшепотом.

Николай возразить не решился – хочется дедушке, пусть везет.

Буквально через сорок минут Леонид Яковлевич Иванов появился в офисе, и тут прояснилась причина дрожи в голосе, шепота и придыхания – Леониду Яковлевичу до боли хотелось хоть одним глазком взглянуть на настоящих частных детективов.

Он с готовностью и во всех подробностях рассказал, как выхватил портфель прямо из-под носа какого-то бродяги, как спросил в магазине: не терял ли кто? Как потом не решился отнести в Бюро находок и стал ждать объявления в газете, а увидел – на столбе.

До сих пор все было замечательно, но потом Иванов вдруг спросил:

– А вам в частное детективное агентство работники не нужны, а? Очень хочется пользу людям приносить...

– Это вопрос к шефу... – Николай не знал, как отделаться от старика. Не терпелось заглянуть в портфель: а вдруг там что интересное? – Но сейчас шефа нет. Может, зайдете в другой раз?

– А можно я подожду? – просительно выгнул брови пенсионер. – Я посижу тихонько.

– Хорошо, – не стал возражать Николай, – подождите, если хотите. – Он провел пенсионера в подвал к Макс и его двенадцати компьютерам.

Макс мудрил с электронной картой Москвы. На шести мониторах у него светились разные куски столицы, и он наносил на карту какие-то маячки. На вошедших, по обыкновению, даже не взглянул, только засопел громче.

Леонид Яковлевич присел на краешек стула в уголке, а Николай убежал к Денису, который был на месте, просто Щербак не хотел знакомить его с сыщиком-любителем без предупреждения.

И не зря не хотел. Денис задумчиво бродил по кабинету. Размышлял, надо полагать, и надо полагать – над серией убийств ученых, во всяком случае, на мониторе у него светилась интернетовская статья на эту тему.

На пару минут оторвать шефа, конечно, получилось, но, когда сыщики спустились в подвал, Леонида Яковлевича Иванова там уже не было.

– Ушел, – буркнул Макс. – Вздыхал, вздыхал, а потом ушел.

– Капитулировал перед лицом прогресса... – Николай тоже вздохнул, но с облегчением.

– Ладно, – сказал Денис. – Пойдем смотреть портфель.

Ирина Сибирякова

Сутки тянулись как месяц.

Набирая телефонный номер, Ирина не могла унять дрожь в руках, и то и дело путала цифры.

– Здравствуйте, Шаповалова пригласите, пожалуйста, к телефону.

– Одну минутку...

– У аппарата! – Борис и по телефону хохмил, как всегда.

– Это Ирина Сибирякова.

– А, наше вам! И зря ты переживала, у этого Кропоткина обширный трансмуральный инфаркт. Так что заниматься самобичеванием прекращай! Руки твои не обгарены кровью невинной жертвы. Совесть твоя чиста...

– Боря! – не особенно церемонясь, перебила Ирина. – Ты же обещал протокол вскрытия!

– А ты обещала...

– Я помню.

– Тогда в три у меня. Заметано?

– Буду обязательно.

Хорошо, что сегодня выходной! Ирина, бодро перешагивая бывшие глубокие лужи, наполовину съеденные солнечным теплом, шла к моргу. Она старалась держаться, но на душе было тяжело. Вроде бы теперь не должно быть никаких сомнений, Кропоткин умер от инфаркта, а не из-за ее неопытности. Но от этого Ирине легче не становилось.

Непреренно нужно посмотреть протокол, изучить результаты анализов, все проверить и перепроверить. Почему? Да потому что дело не только в муках совести, а еще в том, что подспудно засела мысль: что-то не так.

Либо это не совсем инфаркт, либо совсем не инфаркт.

Борис ждал ее у входа в морг. Наметанным взглядом тут же оценил мягкую тяжесть пакета. Даже не заглянув внутрь, заметил:

– Пивко – это то, что нужно!

Они заперлись в какой-то камерке. Борис вытащил из-под халата тоненькую папочку, протянул Ирине, а сам тут же принялся за пиво. Ирина про себя возмутилась: пить посреди рабочего дня?! Неужели работа здесь и в самом деле такая невыносимая? Но вслух ничего не сказала, раскрыла папку и углубилась в чтение.

Протокол вскрытия начинался с ее же собственных слов – когда отвозили тело в морг, пришлось заполнять кучу бумажек.

«По свидетельству врача линейной бригады № 8 „Скорой помощи“ Сибиряковой Ирины Николаевны: во время оказания неотложной помощи при остром коронарном синдроме Кропоткину Николаю Николаевичу, шестидесяти двух лет, засвидетельствована смерть в 21.34».

Ирина быстро просмотрела результаты наружного исследования.

«Труп мужского пола, правильного телосложения, пониженного питания. Возраст на вид 60–65 лет (соответствует указанному в документах). Длина 186 сантиметров...»

...Трупные пятна фиолетовые, разлитые, расположены по задне-боковым поверхностям тела, при надавливании их цвет изменяется. Трупное окоченение выражено хорошо во всех группах исследуемых мышц. Явления гниения не выражены.

...Лицо бледно-синюшное. Глаза открыты, роговицы тусклые, зрачки диаметром 0,4 сантиметра, слизистые бледные, без кровоизлияний. Рот закрыт, слизистая губ и десен бледно-синюшная. Язык в полости рта. При переворачивании трупа из отверстий носа, рта и ушей выделений нет...

...Ребра на уровне четвертых и пятых спереди патологически подвижны, имеется крепитация. На уровне этих ребер на коже припухлость...»

– Ребра ты ему сломала? – гыгыкнул Борис, стоявший за спиной. – Не подозревал в тебе такой силищи.

Ирина ничего не ответила: сломанные ребра при массаже сердца – это нормально.

«Внутреннее исследование.

...Грудная полость и органы шеи.

Реберные хрящи рассекаются легко. Переломы ребер на уровне четвертого, пятого с обеих сторон в месте прикрепления к груди. В переднем средостении кровоизлияний нет. Легкие тотчас по вскрытии грудной клетки медленно спадаются. Спаек в плевральных полостях нет. Жидкости в полостях тоже нет.

Околосердечная сумка целая, в ее полости содержится небольшое количество прозрачной желтоватой жидкости. Из полости сердца и крупных сосудов выделяется жидкая кровь. Сердце обычной формы, размеры его 9#9,5#5 сантиметров, вес 300 граммов. Эпикард не содержит жира. На поверхности сердца кровоизлияний нет. Тверхстворчатый клапан пропускает три поперечных пальца. Двухстворчатый – два пальца. Стенки клапанов тонкие, эластичные, подвижные. На внутренней оболочке сердца кровоизлияний нет. Толщина мышцы левого желудочка 1,8 сантиметра, толщина мышцы правого желудочка 0,4 сантиметра. Венозные сосуды на разрезах зияют, стенки их на разрезах зияют, стенки их неравномерно незначительно утолщены за счет бляшек. Мышца сердца на свежем разрезе дряблая, тусклая, с множественными мелкими белесоватыми участками. Внутренняя поверхность аорты желтого цвета с небольшими бляшками, ширина дуги аорты на разрезе 7,5 сантиметров. Ширина легочной артерии под клапаном 7 сантиметров. Клапаны аорты и легочной артерии тонкие, эластичные, подвижные...

...Органы брюшной полости без повреждений...

...Черепная полость...

Извилины мозга и борозды между ними выражены. Ткань мозга на разрезе обычного строения. В боковых желудочках мозга свежая, прозрачная жидкость. Границы между серым и белым веществом выражены хорошо. Очагов кровоизлияний, размягчений, опухолевидных образований на плоскостях разрезов не обнаружено.

...Оставлено: кровь для судебно-токсикологического исследования, кусочки органов для гистологического исследования...»

– Ну что, вопросы есть? – справился Борис.

Ирина только отрицательно качнула головой и взялась за следующую страницу.

«Результаты лабораторных исследований».

При судебно-токсикологическом исследовании крови от трупа гражданина Кропоткина Н. Н. найден НПВС (диклофенак) в количестве: в крови – 5 %, антиаритмики в количестве: в крови – 5 %, сердечный гликозид в количестве: в крови – 1 %.

При микроскопическом исследовании внутренних органов от трупа гражданина Кропоткина Н. Н. обнаружено:

Сердце: в эпикарде жира нет, кровоизлияний и инфильтраций нет, ход мышечных волокон прямой, мышечные волокна набухают, очертания их неправильной формы, поперечная исчерченность смазана, ядра кардиомиоцитов разбухшие, в форме пузырьков, стенки мелких артерий набухают, они атеросклеротически изменены, имеются бляшки, наблюдается выраженная инфильтрация лейкоцитами, имеется демаркационная зона.

Головной мозг: ствол – перивакулярные пространства расширены; кора – оболочки тонкие...»

– Ну вот видишь, обширный трансмуральный инфаркт.

– Нет, Боря, что-то здесь не так... Может, у меня опыта не хватает понять или слов – объяснить, но на практике в кардиологии я видела десятки инфарктных больных и здесь, поверь мне, была по ходу реанимации какая-то странность, несуразность, что-то, чего не должно было быть, не могло быть!..

– Ириш, ты, по-моему, циклишься. Да пойми ты, даже если бы на твоём месте была кардбригада со всем нужным оборудованием, у него, – Борис ткнул пальцем в протокол, – не было ни шанса. Се ля ви, как говорят французы.

– Борис, а ты сможешь мне копию сделать?

– Ты мазохистка!

– Несмешно. Понимаешь, я чувствую, что это не просто инфаркт. Это как шестое... седьмое чувство!

– Да сделаю я тебе копию. Даже без пива сделаю. Ну разве что за ма-а-аленькую такую бутылочку...

Сыщики

В портфеле Эренбурга лежал фотоаппарат «Никон» со свежезаряженной пленкой, зонт, связка ключей, электронная записная книжка, пластиковый многостраничный чехол для визиток и блокнот в кожаной обложке. К обложке обычной канцелярской скрепкой изнутри были пришпилены три стодолларовые купюры. И листов пять исписаны стенографическими иероглифами и изрисованы непонятными схемами опять же со стенографическими пометками. Никаких документов, удостоверяющих личность владельца, внутри не было, иначе пенсионер Иванов конечно же не понес бы портфель сыщикам, а отыскал бы (с его-то талантами) Эренбурга в больнице и вернул вещь лично.

Прежде чем отдавать находку Барбаре Леви, Денис решил расшифровать стенографические записи. Они могли быть не только черновиком сенсационного репортажа, но и ключом к загадке нападения на Эренбурга.

Расшифровкой занялся Макс, а Денис с Николаем вначале изучили визитки (их было около сотни) и обнаружили среди прочих карточку академика Беспалова, участника той передачи «Эврика», которую Денис видел в записи дома у журналиста. Очевидно было предположить, что с Беспаловым Эренбург встречался, причем незадолго до нападения, но пока сыщики не были на сто процентов уверены, что избиение журналиста вызвано исключительно его изысканиями в области убийств ученых, беспокоить академика не стоило.

Денис повертел в руках связку ключей:

– Похоже, от квартиры. Во всяком случае, вот этот большой точно от железной двери.

– Слушай, – вспомнил Николай, – Лидочка же говорила, что ключи Эренбург носил на цепочке с карабином, цеплял на ремень. А эти без цепи, и их всего три: от двух дверей и от подъезда, наверное...

– Нет, в подъезде кодовый замок.

– Ладно, неважно. Но ключа от кабинета, стола и сейфа на работе тут все равно нет.

– Ты это к чему? – не понял Денис.

– К тому, что злодеи, когда напали на него и не увидели портфеля, забрали те ключи на цепи. Решили, что он портфель домой занес, и пошли на квартиру. А ключики-то не те оказались.

– Логично. Ну что ж, еще один аргумент в пользу того, что били его из-за репортажа.

Просмотрели электронную записную книжку. Телефонов на каждую букву имелось по несколько десятков. В подавляющем большинстве женские имена с короткими примечаниями в скобках, вроде «Света (желтые штаны)», «Марина (водка с лимоном)» или «Дарья (биофак)». Имена повторялись, и памятки в скобках, очевидно, позволяли Эренбургу не путаться в своих многочисленных знакомых. С той же целью списки не были строго отсортированы по алфавиту, то есть последние записи были последними по времени.

– Н-да, – хмыкнул Николай. – Бабник он действительно знатный. Поговорить бы с этими Танями-Дашами, узнать, что он им такого на уши грузил, что они ему, толстому, прыщавому, телефончики на раз выдавали?..

– С кем и в самом деле нужно поговорить, – заметил Денис, – так это с Альбиной, которой он собирался перезвонить в вечер нападения. Он ведь, возможно, перезвонил, а возможно, и встретился с ней. И мог сказать что-то заслуживающее нашего внимания.

– Ага, – кивнул Щербак. – Или она сама могла что-то странное заметить или почувствовать. Потому как рядом с последней Альбиной тут стоит плюс, и таких плюсов я насчитал на всю книжку штук пятнадцать, не больше. Можно предположить, что этим знаком Эренбург помечал особо незаурядные экземпляры. Например, интеллектуалок, не поддавшихся его чарам с первого раза.

– Ну звони. Заодно она тебе аргументированно объяснит (если она интеллектуалка), в чем феномен Эренбурга. Глядишь, овладеешь, и на тебе женский пол начнет гроздьями виснуть.

– Звоню. – Николай набрал номер. – Альбина? Здравствуйте. Меня зовут Николай, мы не знакомы, но мне очень нужно поговорить с вами о Константине Эренбурге. Припоминаете такого?

Денис усмехнулся и пошел варить кофе. Беседа Щербака с дамой – это надолго. В телефонных разговорах Николаю равных нет, и слова льются живо и остроумно, и даже голос преобразается: вибрирует так чувственно, проникновенно. Если бы можно было только телефоном и ограничиться, Щербак по количеству покоренных сердец давно бы уже Эренбурга переплюнул, но живую женщины его почему-то не особенно ценят.

– ...Нет, я не его коллега. С Константином случилось несчастье, вы знаете?.. Да, об этом я тоже хотел поговорить... Нет, это не настолько срочно, но лучше не откладывать...

Он зажал ладонью трубку и поинтересовался:

– Она предлагает встретиться прямо сейчас, соглашаться?

– Езжай, конечно, – кивнул Денис.

– А как же стенограмма? Вдруг там что-нибудь такое, что нужно с ней тоже обсудить?

Денис только отмахнулся:

– Ну будет повод еще раз встретиться.

– Хорошо, – сказал Николай в трубку, – я подъеду через тридцать минут.

Николай Щербак

Альбина оказалась суровой блондинкой лет тридцати. Она работала редактором в Останкине, носила очки и, наверное, в самом деле была интеллектуалкой. Николай даже струхнул вначале: не пошлет ли подальше из-за несоответствия в умственном развитии. Но опасения оказались напрасны, Альбина была настолько обеспокоена здоровьем Эренбурга, что на Николая как личность, похоже, не обращала внимания в принципе. Ее интересовала только информация: где он, что с ним, насколько это серьезно?..

Особенно поразила Николая характеристика, которую Альбина дала Эренбургу:

– Он серьезный, мудрый, очень основательный и, безусловно, невероятно талантливый человек.

У нее было всего полчаса свободного времени, и идти куда-либо Альбина отказалась наотрез, поэтому беседовали прямо на улице, у входа в телецентр, – даже присесть некуда.

Николай стремительно объяснил, кто он такой и почему интересуется Эренбургом. Она так же стремительно удивилась и возмутилась:

– А почему не милиция? Да, конечно, наша милиция...

– Вы звонили Константину тридцать первого июля, просили передать «сегодня не получится». Он собирался вам перезвонить. Перезвонил?

– Тридцать первого?

– Да. В день, когда его избили.

– Действительно. Нет, он не перезвонил. Он действительно приглашал меня на ужин, но у меня изменились обстоятельства.

– А давно вы знакомы?

– Нет. Около месяца.

– Могу я задать нескромный вопрос? В каких вы были отношениях?

Она не смутилась и не задумалась ни на секунду:

– В дружеских. Если можно считать дружбой не многолетний эпос, а короткое знакомство. Вы намекаете на интимную близость? Вынуждена вас разочаровать.

– Я ни на что не намекаю, – хмыкнул Николай. – Но ситуация вот такая: мы проверяем все возможности, в том числе и тот вариант, что на Константина напали не случайно и не с целью ограбления...

– А с какой целью?

– Журналист – опасная профессия, их гибнет не меньше, чем милиционеров или пожарников... – отговорился Николай, естественно не собираясь распространяться о рабочих версиях.

Она это сразу поняла (интеллектуалка все-таки) и допытываться не стала:

– Таким образом, вас интересует, были ли мы с Константином настолько близки, что он делился со мной своими идеями, планами, трудностями и переживаниями? Нет. Не думаю. Но с другой стороны, Константин вообще ни с кем не делился сугубо личным.

– Это точно? – усомнился Николай. – Так уж и ни с кем?

Альбина не стала отстаивать свою точку зрения. Сомнения Николая она просто проигнорировала: не веришь – поди проверь, короче.

– Мы познакомились совершенно случайно. Сходство наших профессий не сыграло здесь никакой роли. В очереди к дантисту внезапно оказались рядом, разговорились, оказалось, что нам есть о чем поговорить.

О чем же, хотел спросить Николай, но промолчал: захочет – сама расскажет, а не захочет, так спрашивай не спрашивай – все одно.

– Мы обменялись телефонами, потом еще несколько раз встречались. У нас возник один спор...

– О чем? – все-таки не удержался Щербак.

– Это не имеет отношения к делу, – тут же отшила его Альбина. – Я всего лишь пытаюсь вам сказать, что нам с Константином обоим улыбнулась редкая удача: встретить человека, с которым интересно общаться.

– Он рассказывал хоть что-то о себе, знакомил с друзьями?..

– Целенаправленно не рассказывал, но что-то, конечно, проскакивало. О работе на Балканах, в Чечне, о том, что когда-то был стрингером, участвовал в боевых действиях. Но мы больше обсуждали общечеловеческие проблемы, говорили об искусстве, Константин лишь изредка приводил примеры из жизни. Возможно, причесанные и приукрашенные, но яркие и убедительные.

– Понятно, – вздохнул Николай. Альбина его, мягко говоря, нервировала, но надо отдать ей должное: болтать она умеет знатно. Вроде и говорит по делу, и на вопросы отвечать не отказывается, а по сути ничего же не сказала, блин! – Значит, о себе он не рассказывал, о своей работе не говорил, о том, над чем сейчас работает, тем более не упоминал, так?

– Совершенно верно.

– Ну а настроение?.. В последнее время вы ничего такого не замечали? Может, он был подавлен или, наоборот, лихорадочно весел или озирался без причины, вздрагивал от разных шорохов?

– Нет. Если что-то его и тревожило – это оставалось за бортом. Никакие посторонние мысли во время наших встреч его не отвлекали.

– А откуда вы узнали о том, что он в больнице?

– Из криминальной хроники. Там не назвали имени, но я поняла, что речь идет о Константине.

– Ну спасибо. – Николай вручил Альбине свою визитку. – Вспомните вдруг еще что-нибудь, позвоните.

– Конечно. – Она сунула визитку в сумочку, даже не взглянув на нее. – Скажите, с Константином на самом деле все будет в порядке?

– Не знаю. Врачи говорят: состояние тяжелое, но стабильное. Все, дескать, зависит от него, а здоровье у Константина не особо крепкое...

– Вы намекаете на то, что он пьет?!

Слава богу! Хоть какая-то эмоция, обрадовался Николай. А то холодная как рыба, скользкая.

– Я не намекаю. Константин на самом деле любит это дело. И когда ему проломили голову, он тоже был пьян. Правда, возможно, это спасло ему жизнь...

– Для людей творческих алкоголь иногда единственная отдушина, – пожала плечами Альбина, поглядывая на часы. – Извините, мне пора.

– Позвоните, если вдруг что-то вспомните, – напомнил Николай.

Сыщики

К возвращению Николая Макс как раз успел закончить расшифровку каракулей Эренбурга. Первые три страницы блокнота занимал черновик того самого сенсационного репортажа. Сева Голованов, Филя Агеев и Демидыч тоже подтянулись послушать. Макс зачитал вслух то, что получилось:

«Горе от большого ума

Тринадцать раз на протяжении последних полутора лет в российских новостях звучали некрологи в память о погибших деятелях науки. Тринадцать российских ученых были убиты в подъездах и на подходе к дому. Судя по сообщениям в СМИ, на сотрудников крупных российских НИИ и вузов в последнее время нападают гораздо чаще, чем на бизнесменов или представителей криминальных группировок. Такое впечатление, что преподавательская и научная деятельность стала в России самым опасным родом занятий.

Истинные мотивы преступлений до сих пор не установлены. Следственные работники гордо надувают щеки и туманно намекают на перспективные версии, но на самом деле давно махнули на расследование рукой и списали убийства в разряд нераскрываемых.

Проведя собственное журналистское расследование, радио «Свобода» выдвигает свою версию. Я Константин Эренбург, и я попытаюсь рассказать вам, друзья, что же происходит на самом деле...»

- Популист! – хмыкнул Сева.
- Демагог, – согласился Щербак.
- Могу зачитать только суть, – предложил Макс.
- Читай все подряд, – отрезал Денис. – А вы помолчите. Все комментарии потом.

«Официально счет убийствам ведется с гибели директора Санкт-Петербургского НИИ электромашиностроения Игоря Глебова. Это случилось четвертого января две тысячи второго года. Убийцы настигли профессора возле дверей лифта в подъезде его дома. Он был жестоко избит и через несколько дней скончался. Убийцы не найдены.

Далее, в две тысячи втором году...

Восьмого февраля – завкафедрой микробиологии Российского государственного медицинского университета Валерий Коршунов.

Восемнадцатого августа – в Красноярске пропал без вести химик Сергей Бахвалов, разработавший метод утилизации «Курска». Его обезображенное тело было найдено за городом через несколько дней.

Девятнадцатого ноября – профессор Российского государственного медицинского университета Борис Святский.

И в две тысячи третьем...

Двадцать седьмого февраля – генеральный директор Международного центра по ядерной безопасности Министерства атомной энергетики Сергей Бугаенко...»

- А остальные? – не удержался Филя Агеев. – Их же там человек пятнадцать.
- Ща! – кивнул Макс. – Дальше как раз об этом.

«Те из вас, кто внимательно следит за печальными событиями в России, могут меня упрекнуть, что приведенный список далеко не полон. Согласен. Мы не претендуем на сомнительную честь связать всех до единого погибших и пострадавших одной веревочкой. Были в этом ряду нападения и убийств действительно случайные люди. И в наш скорбный мартиролог сознательно не включены погибшая двадцать восьмого марта две тысячи второго года Наталья Лилына, забитый бейсбольными битами тридцатого августа того же года первый проректор Всероссийской государственной налоговой академии МНС России Эльдар Мамедов, застреленный двадцать пятого сентября преподаватель Дальневосточного государственного университета Сергей Мельник и расстрелянный в своей машине двадцать второго января года нынешнего проректор Московской академии тонкой химической промышленности, доктор химических наук Виктор Французов. Не станем мы в этом репортаже обсуждать и нападения на историка Сергея Карпова, директора института „Восток – Запад“ Юрия Зворыгина и юриста Алексея Исполинова, хотя они также пострадали и также являлись людьми науки.

Внимательный слушатель уже сообразил, что наш перечень включает только представителей естественнонаучных дисциплин. Более того, без преувеличения можно сказать, что все ученые в нашем списке – это Ученые с большой буквы, гибель которых действительно явилась тяжелейшей утратой для российской науки.

Я утверждаю, и не без достаточных на то оснований, что в России ведется четко спланированное уничтожение научной элиты; что как минимум десять убийств совершены одной и той же преступной группой; что убийства, о которых говорят и пишут, лишь малая надводная часть айсберга; что на самом деле список погибших должен быть значительно расширен...»

- Во загнул! – восхитился Щербак.
- Да помолчите же! – рявкнул Денис. – Читай, Макс.
- Читаю.

«И вот продолжение списка: академик Иван Копылов – физик, погиб в автомобильной катастрофе двадцать седьмого февраля две тысячи второго года; профессор Сергей Цемлянский – кибернетик, скоропостижно скончался от инфаркта четвертого апреля две тысячи второго года; профессор Иннокентий Новицкий – физик, погиб во время взрыва в лаборатории девятнадцатого мая две тысячи второго года; профессор Константин Демитрян – химик, скоропостижно скончался от обширного кровоизлияния в мозг третьего июля две тысячи второго года; академик Александр Зарубин – медик, скоропостижно скончался в результате острого отравления лекарственными препаратами группы барбитуратов второго сентября две тысячи второго года (предположительно самоубийство); профессор Святослав Левкоев – физик, погиб в автомобильной катастрофе седьмого января две тысячи третьего года; профессор Александр Арамеев – химик, убит случайным выстрелом на охоте тридцатого марта две тысячи третьего года, убийца не установлен; профессор Леонид Качинцев – кибернетик, погиб во время пожара на собственной даче четырнадцатого июня две тысячи третьего года.

Преступная группа, выполняющая заказы на устранение ученых, крайне изобретательна и действует не только посредством пистолетов или бейсбольных бит. В ее арсенале автомобильные и авиакатастрофы, пожары, спровоцированные инфаркты и гипертонические кризы, отравления и лжесамобийства. Не стоит искать в действиях убийц системы по «модусу операнди», но необходимо задуматься над мотивом. Мотивом, который железно цементирует все вместе смерти из нашего списка и каждую из них в отдельности.

Кому выгодно обескровливание российской науки?

Кто согласен платить за убийства? Ведь организация и проведение такого количества «ликвидаций» стоит денег, и немалых?

Почему мишенями убийц стали не гуманитарии, а представители фундаментальных отраслей науки?

Поскольку Генпрокуратура РФ молчит, обеспокоенные россияне довольствуются результатами альтернативных по преимуществу журналистских расследований. В последнее время в прессе были высказаны четыре яркие версии: в Москве действует группа студентов-маньяков; ученых истребляют международные террористы, и в ряде убийств даже обнаружен след «Аль-Кайеды»; убийства организованы сектой сатанистов; за убийствами стоят представители иностранных спецслужб.

Еще раз повторю: радио «Свобода» не претендует на истину в последней инстанции, и все-таки...»

– Это все. – Макс отложил записи.

– Конечно! На самом интересном месте! – возмутился Филя Агеев.

– А может, там листы были вырваны? – предположил Сева. – И самое интересное кто-то уничтожил?

– Не вырваны, – ответил Макс. – Блокнот клееный, было бы заметно, если бы вырвали. Репортаж Эренбург, скорее всего, просто не дописал. Но тут есть еще кое-что. Вот смотрите.

Макс выложил на стол листок. В верхней половине был список, в нижней – схема с фамилиями и стрелками. Сыщики все дружно нависли над столом.

– Видите, список тот же, что и в статье: «Академик Копылов, профессор Цемлянский, профессор Новицкий, профессор Демитрян, академик Зарубин, профессор Левкоев, профессор Арамеев, профессор Качинцев», но дальше еще одна фамилия – «Профессор Н. Кропоткин». Она подчеркнута, и куча восклицательных знаков рядом. Пока вы тут собирались, я проверил, есть такой, вернее, был. Кропоткин Николай Николаевич, физик, крутой мужик – член и почетный член десятка иностранных физических академий, куча монографий и все такое. Умер в субботу от инфаркта.

– В субботу? – переспросил Денис.

– В субботу, второго августа сего года. Вчера появились некрологи.

– А Эренбург с вечера четверга без сознания. Значит, знать о смерти Кропоткина он не мог, тем более не мог внести его фамилию в список погибших, поскольку портфель и блокнот уже находились у пенсионера Иванова. Макс, а много профессоров Н. Кропоткиных вообще?

– Я нашел двоих. Еще один тоже Николай, но Михайлович – лингвист, завкафедрой восточных языков в каком-то, не помню, университете в Екатеринбурге. Тот жив-здоров.

– Нет, лингвист Эренбурга не заинтересовал бы...

– Э, мужики! – перебил Сева. – Это получается, что наш гигант пива и секса предсказал смерть этого Кропоткина?

– Убийство, Сева, – поправил Макс. – Он внес его в список убитых.

– Предположительно убитых, – сказал Денис. – Доказательств того, что эти ученые умерли не своей смертью, в статье не было. А впрочем, мы уже выходим за рамки поставленной нам задачи. В конце концов, мы хотели найти в блокноте указания на тех, кто, быть может, угрожал Эренбургу, мы их не нашли. Поэтому объявляется отбой. Всем до завтра, отдыхайте. А я созвонюсь с нашей клиенткой.

Анатолий Старостяк

Он всматривался в натертые какой-то темно-бордовой гадостью доски паркета, как будто видел их впервые. Десятки тысяч раз он проходил тут, ощущая подошвами, как подрагивает и поскрипывает пол, но, кажется, никогда не смотрел под ноги. Тысячи раз подходил он когда-то к этой двери – недоступной, железной, холодной и... заветной. На третьем курсе она впервые открылась для него и вскоре стала родной. Кодовый замок с годами не менявшимся шифром 356, за ним охранник за столиком, дальше – двадцать метров стеклянной галереи, просматривавшейся или, как шутили сотрудники лаборатории, простреливавшейся со всех сторон, в конце галереи еще одна дверь, еще один код – и за ним святая святых.

Когда их, свежее испеченных студентов, водили по корпусу с экскурсией, показывали лаборатории и аудитории, эти двери остались закрытыми. Гид, старичок из деканата, с уважением сказал, что там лаборатория профессора Николая Николаевича Кропоткина, и больше ничего объяснять не стал. Но со временем Анатолий узнал, чем занимается профессор, и понял, что это его шанс. Редкий шанс, который в конце девяностых в России выпадал далеко не всякому. Есть грандиозная научная проблема, есть отличный коллектив, есть гениальный руководитель, есть какие-никакие деньги на исследования.

Когда поголовно все его однокурсники зубрили по три иностранных языка, чтобы сразу после окончания института броситься штурмовать забугорные аспирантуры, он решил остаться в Москве и добиться большего, чем все они, вместе взятые.

Учитель физики Семен Исакович после районной олимпиады, которую Анатолий с блеском выиграл, заявил ему:

– Старостяк, твое будущее – теоретическая физика.

Но после городской олимпиады, которую Анатолий с таким же блеском провалил, пыл педагога несколько угас. Однако у самого Анатолия, испытавшего опьяняющее чувство открытия, когда задача, кажущаяся неразрешимой, вдруг поворачивается в мозгу какой-то новой стороной и становится прозрачной, простой и понятной, тогда, в восьмом классе, появилась цель: он станет великим физиком. Как Эйнштейн или Планк, ну в крайнем случае как Резерфорд или Ферми. И он не любовался на эту цель, далекую и заоблачную, он шел к ней напролом, сознательно жертвуя здоровьем и личной жизнью, просиживал в лаборатории сутки напролет, забывая о выходных и праздниках.

Цель была еще далека, но первый промежуточный этап почти пройден – готова диссертация, имя Анатолия рядом с именем Кропоткина стоит под статьями в самых уважаемых научных журналах. И стоит не за красивые глаза, шеф никогда и никому ничего не дарил авансом. Шеф никогда не взял бы его в аспирантуру, не оставил бы работать в лаборатории, если бы не видел в нем настоящего ученого. Пусть пока молодого, неопытного, но настоящего! С огромным интеллектуальным потенциалом и титаническим трудолюбием.

В конце сентября – маленький юбилей. Пять лет с того дня, когда Анатолий впервые переступил порог лаборатории. Пять лет. Но сегодня Анатолий думал об этом не с радостью, как еще неделю назад, а с тупым безразличием. Если и доживет лаборатория до этого юбилея, то все равно она будет уже не та. Без шефа все будет не то и не так.

Четырнадцать человек здесь под чутким (по-настоящему чутким и мудрым) руководством Кропоткина долгие годы работали над проблемами замедления света. А теперь неизвестно: будут ли? четырнадцать ли? здесь ли? Вообще ничего не известно.

На самом деле, идея замедлить, а то и вовсе остановить свет носилась в воздухе давным-давно, с тех самых пор, как Эйнштейн выдал на-гора свою теорию относительности (СТО, разумеется). Николай Николаевич загорелся этой идеей лет двадцать назад. Но только после того как появились первые серьезные разработки на Западе, ему со скрипом дали лаборато-

рию, персонал и финансирование. Из-за этих дурацких проволочек русские отстали от остального мира. Казалось бы, безнадежно. Но нет, Кропоткин сумел не только догнать буржуев, но и перегнать. И теперь, когда оставалось буквально каких-то несколько шагов до мирового триумфа, все может рухнуть. Да, рухнет наверняка.

Буржуи снова будут на коне. А мы, как водится, – в говне!

А замедление света, между прочим, не так себе теоретический экзерсис, который непонятно в какую дырку засунуть. Замедление света – это очередная революция в компьютерных технологиях и телекоммуникациях, замедленные, а то и вовсе остановленные импульсы света – источник синхронизации или хранения данных, покруче любых других, имеющихся на сегодняшний день. Это реальная перспектива создания квантовых коммуникаций, которые когда-нибудь смогут объединить в глобальную сеть сверхбыстрые квантовые компьютеры. Это не только почет и уважение для того, кто явит миру не одноразовый демонстрационный образец, а реально работоспособную установку. Это миллиарды долларов, которые могли бы приплыть в Россию, а теперь достанутся непонятно кому.

Внутри святая святых царило уныние и удручающая тишина. Никто не работал. Сосед Анатолия по камере, так они звали свою маленькую отдельную комнатку, Эдик Шнурко, мэнээс, бесцельно сидел на подоконнике и с тоской смотрел в окно.

– Слышно что-нибудь?

– Не слышно, – вздохнул Анатолий и уселся рядом на тот же подоконник.

– И тут ничего. Кофе будешь?

– Буду.

И Эдик понуро побрел варить кофе, который пили потом медленно и печально.

– На похороны пойдешь?

– Пойду.

– И я пойду...

Глупые вопросы, глупые, никому не нужные, заранее понятные ответы. Взрослые мужики второй день пялятся в пространство и не могут найти в себе силы сесть за стол и заняться делом.

Любой исследователь, конечно, должен время от времени впадать в спячку. На этот счет существует известное выражение Моргана: «Я могу сделать годовую порцию работы за девять месяцев, но не за двенадцать месяцев». Сам шеф рассказывал, что в пору свою мэнээсом установил в лаборатории раскладушку и ложился на нее во время приступов усталости или лени. А в некоторых буржуйских лабораториях, говорят, среди прочих диковинных вещей практикуют так называемый «севооборот». Периодически, раз в шесть или семь недель, каждый сотрудник изгоняется на неделю в отдельную маленькую комнату, где его единственная обязанность – сидеть в задумчивости. Никто не спрашивает его в конце недели: «Ну что ты придумал?» – потому что одно ожидание этого вопроса способно убить склонность к задумчивости. Требуется от каждого лишь полная отрешенность от повседневной работы. В обмен он может по выходе из заточения потребовать людей и помещений для проверки идеи, если она у него возникнет. Причем человека, который всю неделю провел, положив ноги на стол, в чтении комиксов, начальство встречает с тем же почетом, как и того, кто, вырвавшись из заточения, предлагает поставить шесть новых экспериментов и изменить формулировку второго закона термодинамики.

Но то безделье сознательное. А тут...

Просто потрясение оказалось слишком сильным. Если бы шеф долго и продолжительно болел, подготовил свой уход, не торопясь и основательно, работа бы, конечно, не прервалась ни на день. Назначил бы себе преемника, согласовал с руководством института, утвердил план исследований, каждому определил бы круг работ...

То есть каждый и так знал, что ему делать. Но над этим каждым дамокловым мечом висела перспектива уже завтра вообще остаться без работы. Неизвестно, кто теперь будет руководить проектом, сохранится ли финансирование, не прикроют ли исследования вообще, не пришлют ли какого-нибудь варяга, который разгонит всех и перепрофилирует лабораторию под собственные проекты?

– Нет, ну как же так?.. – в десятый раз завел одно и то же Эдик. – Как же так?

– Угу, кто бы мог подумать, – в десятый раз ответил Анатолий.

Он лично не верил, не желал верить, что шеф умер от инфаркта просто так, ни с того ни с сего. В последнее время все ладилось, Кропоткин много и успешно работал, не испытывал стрессов, не случалось никаких неприятностей... А на пустом месте инфаркты не происходят.

СЫЩИКИ

За портфелем Барбара Леви прислала свою секретаршу Лидочку. С ней же Денис передал отчет о проделанной работе и калькуляцию расходов. В принципе «Глория» с поставленной задачей успешно справилась. Установлено, что травмы Эренбурга получены не «падением с высоты собственного роста» и не «случайным столкновением с тяжелым, тупым предметом вследствие опьянения». Свидетели, которых отыскал Сева Голованов, готовы были подтвердить свои показания в милиции. Портфель тоже найден. Короче говоря, дальше следовало передать материалы официальным органам и со спокойной совестью – в кассу. За скромным, но честно заработанным гонораром.

Но Барбара Леви была иного мнения. Буквально через полчаса после ухода Лидочки от госпожи Леви пришло письмо по электронной почте:

«В прокуратуре опять скажут, что им этого мало. Продолжайте. Хочу знать, кто именно и почему избил Константина. Гонорар за уже сделанную работу + 300 евро аванса переведены на ваш счет.

Леви Б.»

По поводу прокуратуры Барбара Леви была не совсем права: когда есть факт нападения и есть свидетели, дело заведут и даже, наверное, серьезно к нему отнесутся – все-таки иностранный журналист пострадал. Но ответу госпожи Леви Денис, честно говоря, обрадовался – ему самому хотелось продолжить.

Коллеги-соратники тоже не привыкли бросать работу на полдороге – и к восьми утра в конторе был полный сбор.

– Ну как, передохнули? – справился Денис. – Работаем дальше. Госпожа Леви желает знать имена нападавших на Эренбурга злодеев и причину, их к тому побудившую.

Сыщики собрались у стола, обсуждение словно бы и не прерывалось.

– Пока они там отдыхали и расслаблялись, – кивнул на коллег Макс, – я все проверил. Фамилии в дополнительном списке Эренбурга не вымышленные. Академик Иван Сергеевич Копылов действительно погиб в автомобильной катастрофе на Варшавском шоссе в тридцати пяти километрах от Москвы двадцать седьмого февраля прошлого года – не справился с управлением на обледенелой дороге. И Сергей Цемлянский умер от инфаркта четвертого апреля две тысячи второго года. И профессор Иннокентий Новицкий погиб девятнадцатого мая две тысячи второго года – действительно был взрыв. Что именно взорвалось, не пишут, но работал он в области физики низких температур. И по остальным то же самое, факты смертей Демитрия, Зарубина, Левкоева, Арамеева, Качинцева Эренбург не сочинил, но никаких сомнений, в прессе во всяком случае, в естественности этих смертей до сих пор не возникало. За исключением, конечно, Арамеева, которого застрелили на охоте. Там ведется следствие.

– А этот, как его... Кропоткин? – поинтересовался Сева.

– Николай Николаевич Кропоткин, – ответил Макс, – потомственный интеллигент, возможно даже аристократ, коллегами и учениками в некрологах, во всяком случае, характеризуется, как выдающийся ум, то есть подпадает под определенную Эренбургом категорию «Ученые с большой буквы». В больнице не лежал, на сердце никогда не жаловался. Ему, конечно, шестьдесят два года, но вполне бодрый был старичок, продолжал работать. Занимался полупроводниковыми лазерами, руководил лабораторией. Утром в субботу еще был на работе и прекрасно себя чувствовал, а вечером хлоп – и умер. «Скорая» даже не успела довезти до больницы.

– То есть Эренбург не мог заранее просчитать его смерть из соображений долгой, продолжительной болезни, – резюмировал Щербак.

– А не мог он просто ткнуть пальцем в небо? – справился Филя Агеев. – Выбрал наугад профессора-физика...

– Ты представляешь, сколько профессоров-физиков в стране? – буркнул Макс. – Только в Москве их сотни. Эренбург этого Кропоткина конкретно просчитал из каких-то своих соображений, которые в статье не привел. Но вот тут у нас есть схема...

– Подождите, – прервал Денис. – Мы начинаем погружаться в Кропоткина, забывая об остальных первоначальных версиях. Давайте разберемся во всем по порядку.

– А первоначальные версии все отпали, – развел руками Николай. – Что у нас там было? Травма, вызванная опьянением? Не подтвердилось. Банальное хулиганство? Тоже мимо.

– Ограбление, – подсказал Сева. – Не наш случай. Равно как и ментовский беспредел. Менты чисты и непорочны как агнцы – не шмонали и портфель не трогали.

– Ссора с проститутками или ссора с постоянной подружкой – тоже в пролете, проститутки вне подозрений, а постоянная подружка отсутствует, – закончил Николай перечислять первые рабочие версии. – Остается конкретное избиение, чтобы напугать, или же покушение на убийство, вызванное его журналистской деятельностью. И интуиция упорно мне подсказывает, что это не просто абстрактная деятельность, а конкретный последний репортаж.

Коллеги дружно закивали. С этим выводом все были абсолютно согласны.

– И жутко, блин, интересно, какое осиное гнездо этот немец разворотил, к кому подошел настолько близко, что его решили убрать? – закончил мысль Щербак.

– Хорошо, – немного подумав, сказал Денис. – В целом не возражаю. Но настаиваю: до более тщательной проверки мы не снимаем подозрение ни с одного человека, уже засветившегося в деле. Ни с проституток, ни с ментов, ни...

– С пенсионера Иванова? – ухмыльнулся Николай.

– Ни с пенсионера Иванова, – отрезал Денис. – Ты дашь мне стопроцентную гарантию, что пенсионер Иванов не прочел записи в блокноте, прежде чем принести нам портфель?

– Ну...

– Не дашь. Пенсионера Иванова вообще могли просто использовать реальные преступники. Всучили ему портфель и попросили передать нам, убедившись, что никаких конкретных имен и доказательств в записях не содержится, а рассказ о великом таланте находить утерянные вещи – сказка про белого бычка.

Щербак только пожал плечами:

– Денис, у тебя паранойя.

– Вряд ли. Просто я хочу, чтобы все с самого начала было по уму. Мы только что пришли к заключению: Эренбург напал на след преступной группы, совершившей серию убийств. И преступники, очевидно, об этом узнали. Каким образом, спрашивается?

– Ну он кому-то рассказал, – предположил Сева.

– Мог, – кивнул Денис. – Или в ходе своего расследования, сам о том не догадываясь, встречался с кем-то, причастным к делу, и начал задавать странные вопросы. А злодеи, сообразив, что он копает в опасном для них направлении, приняли меры. Или же он совершил некое провокационное действие. Последовала реакция, к которой он оказался не готов. Короче говоря, любая из женщин, с которыми он знакомился в последнее время, может оказаться связанной с преступниками, каждый бармен, с которым он вдруг разоткровенничался, мог переписать еще кому-то, и так по цепочке информация дошла до убийц. Проститутки, с которыми он встретился вечером тридцать первого июля, могли быть специально ему подставлены. Каждый ученый, чиновник, следователь, с которыми он беседовал при подготовке репортажа, должен быть проверен по той же причине.

– Но это же, блин, на год работы! – присвистнул Щербак.

– А есть лучшие предложения?

– Есть, – отозвался Филя Агеев. – Давайте организуем информацию в газете или по телевизору, что Эренбург пришел в себя и заговорил, а сами засядем рядом с его палатой и посмотрим, кто придет его добивать.

– Гениально! – воскликнул Сева. – Дешево и сердито.

– Идея неплохая, – сказал Денис. – Но проброс такой информации нужно обязательно согласовать с Барбарой Леви, и я не уверен, что она согласится. А вот охраной Эренбурга действительно стоит озаботиться.

– Не понимаю все-таки, – подал голос Демидыч, – что такого смог раскопать журналюга, чего до сих пор не нашли следователи. Человек сто же в общей сложности, наверное, работают по убийствам ученых...

– Значит, плохо работают, – отмахнулся Макс. – Мы схему наконец посмотрим или нет?!

Денис подтащил лист с рисунком к себе:

– Посмотрим.

– И что, интересно, означают «С» и «с.»? – поскреб в затылке Щербак.

– А кто такой Джонсон? – поддержал Сева. – И эти граждане слева? Н-да, Макс, немного же мы сможем из этой схемы выжать.

– Граждане слева, – пояснил Денис, – Это ученые и политики. Венцель ведет программу «Эврика», остальные были у него на передаче, когда там обсуждался вопрос: почему убивают ученых. Могу предположить, что с некоторыми из этих граждан Эренбург встречался, во всяком случае – визитка Беспалова обнаружена у него в портфеле.

– А «С» и «с.» – это супостаты и сутенеры? – заржал вдруг Щербак. – Или нет, сволочи и скоты.

– Ржать кончай, – попросил Макс. – Я думаю, «С» – это сокращение от фамилии организатора или вдохновителя убийств, «с.», – скорее всего, сектанты, или сатанисты, или социалисты – короче, название некой группы людей. И мне кажется, Эренбург колебался между двумя версиями, поэтому и не дописал репортаж до конца. Больше аргументов было за нижнюю версию, за «с.», – потому и две стрелки...

– Ладно. – Денис хлопнул ладонью по столу. – Пора закругляться с обсуждением, у нас пока недостаточно данных. Макс, занимайся схемой, попробуй вычислить, что стоит за буквами, выясни, кто такой Джонсон. Понимаю, что это нелегко, но попробуй. Сева, Николай, проверьте еще раз проститутток, Иванову, свидетелей и всех прочих, с кем мы уже сталкивались. Пока просто проверьте, не соврали ли они нам в чем-нибудь, а потом начинайте разрабатывать женщин по списку, начиная с последних. Особое внимание обратите на тех, с кем Эренбург познакомился в последний месяц, когда плотно работал над репортажем. Филя, попробуй выяснить подробности смерти Кропоткина, пообщайся с соседями, родственниками, только ненавязчиво. Демидыч – дежуришь в больнице, пока госпожа Леви не организует нормальную охрану. Я займусь теми, кто на схеме слева. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Филя Агеев

Исследовав некрологи в газетах, Агеев узнал, что покойный профессор Кропоткин был вдовцом – жену похоронил почти десять лет назад; что его сын тоже уже профессор, Антон Николаевич, правда, не физик, а биолог, живет в Питере; что похоронили Кропоткина на Котляковском кладбище; что соболезнования прислали даже из администрации президента и что профессор «всю жизнь находился на переднем крае науки». Все это мало что давало для понимания мотивов убийства, если, конечно, произошло именно убийство. Но зато Филипп выяснил точное название лаборатории, которой руководил профессор, и, порывшись в Интернете, откопал сайт института, а на нем и страничку лаборатории Кропоткина.

Филя честно пытался разобраться в предмете исследований лаборатории. Однако же тщетно. То есть в принципе он понял, что Кропоткин со товарищи занимался замедлением света с помощью лазеров и что если все у них получится, то человечество ждет очередной прорыв в телекоммуникациях. Но что есть «прожигание спектрального отверстия», почему свет остановить нельзя, а его импульсы можно, и кому и зачем нужна фотонная group velocity, он не понял, как ни пыжился. А это означало, что беседовать с коллегами Кропоткина, выдавая себя еще за одного коллегу из далекой тмутаракани, не получится. Даже студентом или аспирантом прикинуться нельзя.

Филя решил выдать себя за журналиста, а для интервью выбрал наименее значительного сотрудника лаборатории аспиранта Анатолия Старостяка. На самом деле Агеева устроила бы и уборщица. В науке она, может, и несильна, но зато обо всех сплетнях и слухах, курсирующих по лаборатории, о ссорах, конфликтах и предпочтениях осведомлена всенепременно – на тетку с тряпкой мало кто обращает внимание. Однако вычислить ту нужную уборщицу оказалось делом непростым и долгим. А аспирант Старостяк поминался на сайте, и даже фотография его была помещена под авторефератом диссертации.

Старостяк оказался высоким импульсивным парнем лет двадцати пяти с довольно грубым, совершенно неинтеллигентным лицом и манерами под стать лицу. Он то молчал, словно не слыша вопросов, то вдруг начинал говорить невпопад, при этом отчаянно жестикулируя. Агеев выловил аспиранта вечером у выхода из института. Ждать пришлось долго. Очевидно, у Старостяка был ненормированный рабочий день или же он был трудоголиком, так или иначе, появился только в начале девятого вечера.

Филя шагнул ему навстречу, изобразив на лице радостное удивление:

– Вы Анатолий Старостяк? Аспирант Николая Николаевича Кропоткина? А я как раз хотел поговорить с кем-нибудь из вашей лаборатории и боялся, что пришел слишком поздно...

Аспирант некоторое время рассеянно хлопал глазами, не врубаясь, в чем дело. А Филя энергично потряс его руку и, панибратски обхватив за плечи, продолжил натиск:

– Я журналист. Хотел задать вам несколько вопросов. Вы не против? Давайте прямо сейчас, если вы, конечно, никуда не торопитесь.

– Я есть хочу, – вывернулся из объятий Старостяк.

– Отлично, я угощаю, – снова вцепился в него Агеев. – Где будем ужинать?

– Там за углом пиццерия.

Аспирант не скромничал: заказал себе килограммовую пиццу с курицей и грибами, салат из рапанов, на десерт кусок шоколадного торта и литр кока-колы. Филя безропотно расплатился, стараясь не думать, окупится ли аппетит Старостяка информацией, которую удастся из него выжать. Себе Агеев взял чашку кофе и, не торопясь форсировать разговор, наблюдал, как аспирант стремительно подчищает тарелку за тарелкой. Ел он, как будто неделю не держал во рту и маковой росинки. Наконец покончив с тортом, Старостяк вытер губы мятым носовым платком, достал столь же мятую пачку «Тройки» и закурил:

– Так чего вам надо и на кого работаете?

– Я работаю на радио, – улыбнулся Филя. – Один мой коллега...

– А! Жирный такой, волосатый?! – взревел аспирант, так что народ за соседними столиками начал оборачиваться. – Так шеф его послал! И вы идите туда же, ясно?!

Он попытался встать, но Филя поймал его за руку и силой вернул на стул:

– Я, между прочим, заплатил за ваш ужин, так что будьте любезны хотя бы выслушать меня! – Сыщик даже не рассчитывал, что просто упоминание Эренбурга, даже без названия фамилии, вызовет такую бурную реакцию. – Так Константин Эренбург, значит, встречался с профессором Кропоткиным?

– Подумаешь, ужин, – буркнул под нос Старостяк. – Пришлите мне счет, оплачу с зарплаты.

– Я спросил: они встречались? – напомнил Агеев.

– Так вот, значит, как вы добываете свою долбаную информацию! Напоить, подкупить. Что ж вы мне телку еще не предложили? – гнул свое аспирант.

– Кончайте нудить. Эренбурга избили до полусмерти, он в реанимации, Кропоткин умер. Я бы поговорил с ним и не отнимал бы вашего драгоценного времени...

– Так ему и надо! – оскалился Старостяк.

– Кропоткину?

– Эренбургу вашему! Не фиг лезть, куда не просят. От вас, журналистов, только вред!

– А поподробнее можно?

– Чего – поподробнее?

– Какой вред от Эренбурга, например? Вы в курсе, о чем он разговаривал с Кропоткиным?

– Я впахивал как проклятый! – Аспирант пропустил вопрос мимо ушей и, прикурив новую сигарету, нервно затянулся. – Мы все впахивали, как проклятые! Пять лет... Целых пять лет! А теперь все коту под хвост. Накрылся мой дисер. Тема накрылась. Кому я нужен без руководителя?

– Да. Я понимаю, – кивнул Филя. – К сожалению, Николай Николаевич скончался. Такая нелепая, неожиданная смерть...

– Вот именно, что нелепая! – рявкнул Старостяк.

– Что вы имеете в виду?

– А вы?!

– Ну... я хотел сказать, что все случилось так неожиданно...

– Это для меня неожиданно! А для кого-то ожидаемо. Очень даже ожидаемо!

– Я не понимаю...

– А вам и не надо. Чего вы вообще ко мне привязались? Что за интервью вы хотите у меня взять? Кому оно интересно?

– Подождите, – попросил Агеев, – вы только что сказали, что кто-то рассчитывал на смерть профессора Кропоткина, я правильно понял?

– Рассчитывал! Подстроил! Спровоцировал! Убил! Какая теперь разница?!

– Э-э нет, разница есть, и очень большая разница. Вы в этом уверены?

– Пять лет... Целых пять лет! – снова заладил свое Старостяк. – И все полетело к черту...

– Надеюсь, Эренбурга вы в смерти профессора не обвиняете?

– Да при чем тут ваш Эренбург?! Чхал шеф на вашего Эренбурга. И послал его без малейшего нервного напряжения. Это враги!

– Какие враги? – Филя не мог решить для себя: Старостяк – псих, свихнувшийся на своих лазерах и теперь панически боящийся остаться без работы и диссертации, или действительно знает что-то такое о смерти Кропоткина, о чем остальные не догадываются.

Старостяк молча курил, думая о своем.

– Какие враги? – повторил сыщик. – Научные конкуренты? Кто-то из сотрудников подсиживал, хотел занять его место? Что-то личное? – Аспирант молчал, а Филя все извергал из себя вопросы: – Как можно спровоцировать инфаркт? Убить так, чтобы никто ничего не заподозрил? Кто-то уже воспользовался смертью Николая Николаевича?..

– Если бы я знал как! Если бы знал кто! Задушил бы собственными руками! – наконец очнулся Старостяк. – А если вы посмеете трепать имя шефа в вашей вонючей газетенке, я...

– Ни слова, ни полслова, – пообещал Агеев. – Но если вы что-то знаете, вам лучше обратиться в милицию.

– Как же вы меня достали, а! Шагайте к своему Эренбургу, его и спрашивайте!

– Я же сказал, он был избит на улице за два дня до смерти Кропоткина и до сих пор не пришел в сознание.

– А мне плевать! Я понятия не имею, зачем он приходил к шефу...

– Когда он приходил?

– Числа двадцать пятого, не помню я точно. И знать не хочу, почему он спрашивал про Джонсона. Николай Николаевич думал, что это очередной популяризатор с радио для дебилов: «А сейчас мы вам расскажем, есть ли жизнь на Марсе и как устроен телефон»...

– А кто такой Джонсон? – Филю даже пот прошиб от волнения: тот самый Джонсон со схемы!

– Вы меня угостили, но вы меня не купили! – Аспирант вскочил, опрокинув стул и окончательно перепугав посетителей за соседними столиками. – Я вам скажу то же, что шеф сказал вашему коллеге: идите в задницу! И вы правы, я пойду в милицию, пусть они разберутся, с какой стати ваш Эренбург советовал шефу быть поосторожнее? Чего такого должен был шеф бояться? Уж не инфаркта ли?

Денис Грязнов

Сергей Сильвестрович Беспалов был похож на меньшевика, какими их любили изображать в советских фильмах о революции: растрепанная седая шевелюра, козлиная борода, нервическое подергивание головы, от которого с крючковатого носа академика постоянно сваливалось пенсне. Он водружал его обратно, снова тряс головой, оно снова сваливалось, а он его опять надевал. Из-за рассеянного взгляда казалось, что семидесятилетний Сергей Сильвестрович давно утратил связь с реальностью и либо безвозвратно витает в неких эмпиреях, либо впал в глубокий маразм, что по большому счету, наверное, одно и то же.

Однако первое впечатление оказалось обманчивым, и, когда дело дошло до разговора, Беспалов проявил полную адекватность. Более того, прекрасную реакцию и завидное остроумие.

– Я не отниму у вас много времени, – сразу извинился Денис, понимая, что у академика наверняка есть множество гораздо более важных и интересных дел, нежели беседы с частным детективом. – Но Эренбург в коме, и мне приходится разговаривать со всеми, с кем он встречался в последнее время, работая над репортажем. А разговор с вами особенно ценен, так как Эренбург пришел к вам как к эксперту, человеку с обширными знаниями о современной российской науке и наших ученых, причем встречался с вами буквально за день до нападения на него...

Тут Денис несколько привирал: на самом деле он понятия не имел, с какими мыслями Эренбург шел к Беспалову. Но сыщику очень хотелось, чтобы академик отнесся к разговору максимально серьезно. Ему и так стоило немалых трудов сюда пробиться, пришлось подключить госпожу Леви, а иначе в секретариате РФФИ (Российского фонда фундаментальных исследований), где трудился академик, Дениса уверяли, что на ближайшие недели три у Сергея Сильвестровича расписана каждая минута.

– Да, мне говорили, что Эренбург стал жертвой нападения... Вы думаете, его избili потому, что он журналист? – поинтересовался академик. – Его работа – причина нападения?

– Да, – кивнул Денис. – И поверьте, у меня есть все основания так думать.

– Хорошо. И чем же я... чем мы можем вам помочь?

В кабинете Денис и академик были не одни. За спиной Беспалова уютно расположился, попыхивая трубкой, симпатичный бородач лет сорока. На телохранителя он не тянул – слишком вальяжен, да и зачем академику телохранитель, на секретаря – тоже. Скорее ассистент.

– Мой неоценимый помощник – Борис Рудольфович Керн, – подтверждая догадки Дениса, представил бородача Беспалов. – Борис Рудольфович присутствовал и при нашем разговоре с Эренбургом, так что, я думаю, вы не будете возражать против его участия в нашей беседе?

– Ни в коем случае, – заверил Денис. – Поскольку вам теперь известны обстоятельства нападения на Эренбурга, вы, наверное, знаете также, что он проводил собственное журналистское расследование серии убийств российских ученых?

– Да, – ответил академик, – он сам сообщил мне об этом.

– А Эренбург сказал вам, кого подозревает? Назвал фамилии или хотя бы в общих чертах изложил свои умозаключения?

– Разумеется, нет.

– Разумеется?

– Господин Эренбург показался мне человеком незаурядного ума и высоким профессионалом. Он приходил не для того, чтобы делиться со мной своими сомнениями и гипотезами. У него, я уверен, была выстроена крепкая теория, и он всего лишь проверял некоторые факты,

ее подтверждающие. А кроме того, как журналист и высокий профессионал, он, естественно, считал, что первыми с его выводами должны ознакомиться его читатели или слушатели.

– Но вы ведь тоже человек незаурядного ума, – улыбнулся Денис. – И наверняка способны по заданным вам вопросам восстановить ход мыслей Эренбурга.

– А вы льстец, Денис Андреевич, – засмеялся Беспалов. – Между тем ваша профессия требует владения элементарной логикой, и вы не можете не понимать, что, глядя только на фундамент, трудно представить себе здание, на нем возвышающееся, а тем более видя и не фундамент даже, а цемент, которым он был скреплен. Я, знаете ли, слишком стар, чтобы позволить себе тратить время на подобные логические разминки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.